

The book cover features a central illustration of a woman in a long, flowing green cloak standing on a cobblestone path. The path leads towards a stone archway in a brick wall. The scene is bathed in a warm, golden-orange light, suggesting a sunset or sunrise. The background shows a castle or fortress with a tower. The entire scene is framed by decorative, light green vine-like patterns with leaves. The text is in a golden, serif font.

ТИФЕН СИОВЕЛЬ

БРИСЕИДА

ТЁМНЫЕ
ВСАДНИКИ

Тифен Сиовель

Брисеида. Тёмные всадники

Серия «Брисеида», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68404363

Сиовель, Тифен. Брисеида. Тёмные всадники: «Издательство «Эксмо»;

Москва; 2023

ISBN 978-5-04-176591-0

Аннотация

Франция. XV век нашей эры. Позади Поднебесная империя и Древняя Греция. Теперь избранные пытаются вычислить, где скрывается Элита, чтобы предотвратить нападение злых духов – созданий Ольхового короля. Согласно легенде, существует женщина-дракон, с чьей помощью можно уничтожить правителя и его приспешников. Драгоценный рубин, что служит ей третьим глазом, дарует силу, чтобы сразить мрачного короля. Для охоты за камнем организован турнир, на который съезжаются рыцари со всего королевства. Теперь самые сильные и отчаянные герои будут сражаться ради будущего Каркасона. В то же время прошлая миссия Брисеиды не окончена. Девушка должна вернуть химер в Мир Снов и восстановить равновесие. Иначе домой не отправится никто.

Содержание

1. Первая идея	5
2. Нил куба и сын	46
3. Баня и свиньи	55
4. Природа дьявола	91
5. Энндалор д'имбер	111
6. На краю света	138
7. Загадка	159
Конец ознакомительного фрагмента.	190

Тифен Сиовель Брисеида. Тёмные всадники

Tiphaine Siovel

Book 3: Briseis: Vol. 3,

Ombres et Chimeres, Part 2

© Воробьёва К., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. «Издательство

«Эксмо», 2023

* * *

1. Первая идея

В тишине, посреди густого белого тумана, словно потерянная в пустоте игрушка, появился первый темно-красный вагончик на Площади Времени. Приоткрылась задняя дверь, и женщина, подтянув лоскуты своего тяжелого серого холщового платья, спустилась по трем кованым ступеням, которые скрипели под ее весом. Увидев отряд усталых бойцов сопротивления, она высоко подняла руку:

– Добро пожаловать, незадачливые путешественники!

– Наконец-то! – усмехнулся Эней, тяжело дыша.

Брисеида тоже была рада прибытию. Подъем из Китая VIII века занял много часов. Присаживаться было нельзя, потому что Эней, который нес на спине находящегося без сознания Леонеля, мог потерять равновесие.

Брисеида чувствовала себя истощенной. Но ее усталость

меркла перед усталостью бедного греческого солдата. Он претерпел мученические страдания во время бесконечного подъема по невидимой лестнице, чувствуя, как иссякают его силы и дрожат колени. Один неверный шаг мог привести к фатальному падению...

– Вот это у вас посылка, – засмеялась женщина, поправляя свою толстую белокурую косу. – Вы тащили его до самого верха? Что собираетесь с ним делать?

– Разбудим его, прекрасная леди, – ответил Энндал, чувствуя себя в достаточной безопасности, чтобы отпустить руку Оанко и помочь Менгу уложить Леонеля возле вагончика. Эней рухнул на землю, обливаясь потом.

– Молодчина, дружище, – сказала Лиз, протягивая ему бутылку с водой. – Вот, заслужил.

Переменчивый ветер вдруг принес им веселые причитания торговцев. Туман внезапно рассеялся, обнажив прилавки. Как и перед их отправлением в Поднебесную империю, торговцы размахивали своими амулетами перед прохожими. Маленькие группы в белых одеждах продвигались более или менее уверенным шагом в этом беспорядке, посреди гор, пещер и океанов тумана, которые окружали невидимое плато Площади Времени.

Оанко опустился на колени перед Леонелем и коснулся его лба.

– Мне нужны травы, чтобы разбудить его. Вода и немного углей, чтобы приготовить отвар для ингаляции.

– Все, что вы хотите, вы найдете у Тити Л’Эрб, – с восторгом произнесла женщина с белокурой косой.

Она надавила на задвижку в передней части своего жилища, которая внезапно отъехала, открыв большой прилавок. Она отодвинула занавеску, продемонстрировав удивительную коллекцию сушеных трав, и потянула за цепочку, поднося котелок с уже кипящей водой.

– Разумеется, за определенную плату. Но я не придираюсь к валюте, лишь бы в кармане звенело, когда спотыкаешься.

– Вы знали, что у нас будет раненый? – воскликнул Оанко в изумлении.

– Да. О, вы не первые, с кем такое случается, если можно так выразиться.

– ПОЖИРАТЕЛИ КОШМАРОВ, ЛОВЦЫ ИЛЛЮЗИЙ, ПРОТИВНЫЕ НАРУШИТЕЛИ СПОКОЙСТВИЯ! ДАЖЕ НА ПЛОЩАДИ ВРЕМЕНИ НУЖНО ЛОВИТЬ МОМЕНТ! ЛОВИТЕ ЕГО, ЧТОБЫ ПРИНЕСТИ И СЕБЕ, И МНЕ ВЫГОДУ! – кричал мужчина позади нее, с удовольствием подтверждая слова женщины.

– Чувствую себя как дома, это вселяет уверенность, – вздохнула Лиз.

Оанко предпочел закончить обработку раны Леонеля, прежде чем разбудить его. Путники сидели рядом, скрестив ноги, и смотрели, как индеец ухаживает за солдатом.

– Торговцы правы, сейчас или никогда, – сказал Энндал. – Начнем с отражающих химер зеркал. Они должны обладать

теми же свойствами, что и зеркала фэн-шуй.

Брисеида с облегчением наблюдала, как Лиз и Менг серьезно кивнули. Мерзкий запах дракона все еще стоял у нее в ноздрях, и она вздрогнула при воспоминании о мокрой чешуе на своей коже. Во время подъема она рассказала им о том, как канцлер Ли использовал дракона, чтобы попытаться утопить ее в реке ткачихи, вращая песчинки в песочных часах для управления зверем. Она рассказала, как после запуска песочных часов тот же дракон позволил ей и Леонелю избежать нападения императора. И Менг, и Лиз очень серьезно отнеслись к ее рассказу. После вмешательства призрака Шу Фана и рассказа Фу Цзи генерал больше не мог сомневаться в ее словах.

Брисеида была благодарна сыну Менга, хотя и сожалела, что Фу Цзи не рассказал больше. Он поведал отцу совсем немного о своем путешествии в качестве ученика Элиты и не рассказал о Цитадели ничего такого, чего бы она уже не знала.

– Фу Цзи сообщил вам свою версию развития событий о тактике Элиты с момента нашего прибытия в Поднебесную? – спросила она своих друзей.

Менг кивнул:

– Цитадель начала следить за мной задолго до того, как я присоединился к сопротивлению. Они не могли знать, что меня завербует старик, но они понимали, что рано или поздно я стану проблемой, потому что не могли меня подкупить.

Цитадель попросила своего хранителя, Ляна, приблизиться к моей семье, чтобы присматривать за мной. Когда я думаю, что отдал ему в жены свою дочь... Он был мне как сын.

– Он виновен не больше, чем Фу Цзи, – напомнил ему Энндал. – Фу Цзи рассказал нам, что хранители никогда не входят в Цитадель. Они почти ничего не знают о ней, иногда им даже не известна личность Альфы, которая правит их регионом. Они, так же как и Элита, находятся в ловушке и вынуждены служить Цитадели.

– Почему? Как Лян стал хранителем?

– Фу Цзи не смог нам рассказать. Но он поведал остальную часть истории: канцлер вовсе не собирался убивать Менга в доках в день нашего прибытия. Если бы его великий полководец – его сильная рука, отвечавшая за его безопасность более тридцати лет, – умер, император мог бы полностью выйти из своего апатичного состояния. Он должен был прислушаться к совету министра Сяо, который, как и Менг, давно подозревал Ань Лушаня, и предпринять необходимые шаги для восстановления контроля. Тогда бы рухнула вся изящная работа Элиты. С самого начала целью канцлера, пославшего персидских убийц, было усиление напряженности между Менгом и императором. Его план стал более четким, когда во дворце он узнал, что мы являемся частью сопротивления. Он использовал песочные часы, чтобы поймать дракона, подстроил смерть льва во время оперы, и приказал Ань Лушаню отправиться к северо-восточной границе, чтобы тот

присоединился к старшему сыну Менга, Девэю.

– У Элиты никогда не было проблем, – продолжала Лиз. – Канцлер Ли контролировал все от начала до конца. Он достаточно позволил нам узнать о его планах, чтобы мы немного понервничали, но не настолько, чтобы мы смогли перейти к активным действиям. Он заставил нас носиться, как дураков, пока сам настраивал императора и Менга друг против друга.

– А как насчет Девэя? Знает ли он о существовании Элиты?

– Фу Цзи заверил нас, что нет. Сражение на северо-востоке продолжалось три дня. Ань Лушань прибыл как раз под конец. Девэй отправил свой отчет, и Элита перехватила его во дворце, чтобы дождаться подходящего момента и показать его императору. Фу Цзи считает, что Менг все еще жив там, потому что его дух здесь не смог бы выжить, если бы его тело умерло. Девэй не упомянул отца в своем отчете либо потому, что Ань Лушань отговорил его от этого, либо потому, что Менг находится в добром здравии.

Менг закатил глаза, как будто Энндал только что сказал самую большую глупость. Брисеида была вынуждена признать, что трудно представить, как Менг одновременно присутствует с ними и находится в сознании где-то в Поднебесной. И все же, учитывая путешествия во времени, такое возможно.

– По словам Лиз, канцлер Ли некоторое время назад по-

просил Ляна сблизиться с Фу Цзи, так как чувствовал его предрасположенность. Фу Цзи не вписывался в свою семью, чувствовал себя отвергнутым, неполноценным. Он страдал от несправедливости и жаждал перемен. Идеальный кандидат для Цитадели. Элиту порадовало то, что как раз перед вступительными экзаменами Менг вернулся на государственную службу. Фу Цзи был разочарован, он созрел для того, чтобы крепость забрала его. Ляну было поручено поддерживать Фу Цзи, как только тот был поражен стрелой херувима, но пока он не перешел в Цитадель и не вернулся, готовый отречься от своего отца.

– Именно это я и видела, – подтвердила Брисеида.

Менг опустил голову, его глаза потемнели от мрачных мыслей. Энндал утешающе похлопал его по спине:

– Элита добилась своего, нанеся последний удар по твоему сыну. Но она также пошла на риск, который не оценила должным образом. Они не приняли во внимание силу родственной любви.

– Хм, – проворчал Менг.

– А что насчет Ань Лушаня? – спросила Брисеида. – Неужели он не собирался осаждать Чанъань? Разве он не является частью Элиты?

– Да, он тоже Альфа, – проговорил Энндал. – В каждой группе студентов есть только один Альфа, но Поднебесная большая, и, чтобы справиться с ней, необходимо несколько команд. Генерал Ань Лушань командует Северной Элитой.

– Значит, два Альфы? – ошеломленно спросила Брисеида.

– И две команды Элиты действуют сообща, чтобы Ань Лушань захватил Чанъань. Но они предпочли сначала избавиться от Менга, чтобы упростить себе задачу.

– Так что империя все еще в опасности. Вот только теперь император потерял всякое доверие к своему великому генералу, единственному, кто может ему помочь...

– По крайней мере, теперь я знаю, кто мои враги, – сказал Менг. – Я с нетерпением жду возможности пообщаться с канцлером Ли, когда наконец смогу вернуться домой.

– А пока нам нужно все хорошенько обдумать, – заметила Лиз. – Мы должны обозначить наш план атаки, прежде чем снова прыгать в логово льва. Давайте думать вместе. Что полезного мы узнали в Срединном государстве?

– Мы знаем, что Менг не ошибся, потому что легенды действительно являются оружием Элиты, а суеверия – причиной их процветания, – сказала Брисеида.

– Ты тоже была права, – добавила Лиз, – поскольку эти легенды позволяют химерам спускаться на уровни реальности и совершать нападения на тех, кто их боится.

– Да, – согласилась Брисеида. – И, наконец, я считаю, что распространение легенд служит трем целям Элиты. Во-первых, чтобы направить поток химер. Через общепринятую легенду, например легенду о ткачихе, которая связывает принципы китайского мировоззрения с реальностью девяти этажей Мира Снов; или через определенную легенду о химере,

которую они хотят уничтожить, например дракона. Во-вторых, легенды используются для устрашения и контроля, как мы видели на примере дракона, который вызвал землетрясение и позволил мастерам фэн-шуй отдавать приказы для успокоения химеры. В-третьих, легенды полезны для маскировки действий Элиты: двор не против лишиться императора титула только потому, что его история любви напоминает легенду о ткачихе.

– Элита отлично отработала свою тактику, – резюмировал Оанко. – Они очень хорошо водят нас за нос и отвлекают от своих реальных планов.

– И я был первым, кто попался на уловку, – сказал Эней, – со своей историей о сорочьем мосте, ведущем к лестнице. Я все неправильно понял.

– Элита действительно воссоздала легенду о ткачихе, чтобы привлечь больше химер в реальный мир за год. И постановка легенды на горе Шеваль-Нуар тоже служит якорем. Несмотря на то что химеры попадают в реальный мир через произведения искусства, твоя идея была очень полезна для нас, мы поняли принцип действий Элиты, Эней.

– Хорошо, – кивнул Энндал. – Что еще?

Брисеида подняла руку, поддавшись дурным привычкам старшей школы.

– Есть несколько моментов, которые все еще беспокоят меня. Например, я знаю, что Эней не мог увидеть дракона, потому что не был знаком с китайской культурой. Но почему

жители Чанъана не увидели дракона, когда он напал на город? Большинство из них гораздо более восприимчивы к химерам, чем Менг. Почему они решили, что это было землетрясение?

– Фу Цзи дал нам ответ на этот вопрос, – сказал Эней. – Некоторые люди видели дракона, и поэтому народ был уверен, что божество разгневалось. Но если не все его увидели, то это потому, что дракон находился не на втором уровне реальности, а выше. На диске, который мало кому удается посетить. Элита хотела, чтобы все было именно так: у каждой проблемы есть свое решение, и в тот день целью было не поддержание легенды о драконе, а обвинение Менга. Поэтому Элита быстро подсуетилась. Вот что рассказал нам Фу Цзи.

Брисеида достала сферу Нила Кубы-младшего и развернула ее в центре их круга. В тысячный раз она провела пальцами между статуэтками химер, расставленных на девяти золотых дисках, образующих пирамиду.

– На верхнем этаже находится Мир Снов, куда все попадают ночью в своих снах, – сказала Брисеида, поглаживая трех драконов на вершине, один из которых наблюдал, как сражаются два других. – В основании находится первая плоскость реальности, та, куда теоретически не может попасть ни одна химера, – добавила она, проведя пальцем по самому широкому из дисков, лишённому химер. – Но на самом деле им нужно лишь протиснуться сквозь плоскости реальности,

как сквозь невидимую пленку, чтобы достичь нас. Что делает первую плоскость реальности почти опасной, поскольку химеры могут напасть на нас незаметно.

– До тех пор, пока мы будем бояться их, – добавил Эней.

– Вот именно. Поэтому мы должны изменить наши убеждения, чтобы достичь второй плоскости реальности, где химеры становятся видимыми. Но теперь ты говоришь, что химеры могут атаковать нас с третьего диска, до которого людям еще труднее добраться?

– Боюсь, Фу Цзи именно это имел в виду, – ответила Лиз.

– А как насчет остальных пяти дисков, между третьим и последним, сновиденческим? Придется ли их раз за разом подвергать изменениям, чтобы защитить себя от химер?

– Не стоит заранее волноваться, – спокойно и ободряюще произнес Энндал. – Не ты ли говорила, что торговец на Площади Времени, который продал тебе статуэтку, думал, что находится на пятом этаже?

– Он сказал бы мне что угодно, лишь бы я купила его товар, – сказала Брисеида, пожав плечами. – Он ничего не соображал.

– Спроси его потом, если он все еще там. Как знать.

– Хм... Фу Цзи рассказал вам что-нибудь еще о том, как Элита использовала мои песочные часы? Я чувствую, что здесь что-то не так. Что они на самом деле сделали с драконом в пагоде? Они заперли его – это понятно. Но почему они поступили так за две недели до того, как он им понадобился?

Что они так долго делали со зверем? Но что еще важнее, почему после этого они поместили песочные часы перед клеткой со львом на несколько дней? Вам не кажется это странным? Я чувствую, что нечто упускаю...

– Фу Цзи не рассказал нам всего, – ответил Менг. – Я знаю своего сына. Он решил, что некоторые знания лучше держать при себе.

– И что он рассказал тебе о призраке? Я имею в виду... о твоём мертвом брате, Менг.

– Ничего ужасного.

– Почему Шу Фан сообщил Ло Шэнь о песенной карте, которая позволила бы нам найти переход в Цитадель? Знает ли он о планах Элиты?

– Мой брат уже при жизни был любителем проделок. Ничто не доставляло ему большего удовольствия, чем сбивать людей с толку. Я не думаю, что мы когда-нибудь узнаем, что он имел в виду. Моему сыну пришлось много спорить с ним, чтобы добиться помощи. Ему было безразлично, что я могу умереть. По словам Фу Цзи, брат не считает смерть неизбежностью. Что вполне понятно, с его точки зрения... В конце концов, его смогла переубедить участь Ло Шэнь. Я очень надеюсь, что он поможет Фу Цзи освободить женщин моей семьи.

– Как думаешь, Брисеида, может ли еще существовать переход, созданный Цитаделью? – спросил Энндал. – Переход, в который можно попасть с помощью песенной карты?

– Не знаю... Именно с помощью песенной карты мой друг Бенджи нашел портрет доктора Рише в Цитадели. Та, что висит во всех палатах больницы, из которой я совершила переход. И именно этот проход между больницей и Цитаделью использовал херувим. Поскольку существует, по крайней мере, одна стихотворная карта, которая использовалась на протяжении многих поколений в Поднебесной, то такая практика не является исключительной для Цитадели... Эту зацепку нельзя упускать.

Менг прочистил горло:

– Мы узнали много полезных вещей в Поднебесной. Но если, с учетом всего сказанного, искусство Бая – единственная причина, по которой канцлер Ли был готов убить тебя, Брисеида, то именно в этом кроется наш способ ослабить Элиту. И именно на этом мы должны сосредоточить наши усилия. Мы должны купить кисти, чтобы Брисеида научила нас рисовать, как это делает мой брат.

Энндал кивнул, на его лице появилась улыбка. Признание достоинств брата в таком утверждении должно было дорого обойтись генералу.

– Возможно, идея хорошая, но уже слишком поздно, – вздохнула Брисеида. – Фэн-шуй является частью китайской культуры. Как только мы достигнем следующего пункта назначения, нам придется начинать все сначала. Это действительно глупо, все эти часы, проведенные за рисованием, правильное положение кисти, между небом и землей, опора

на движения *ци*... Когда держишь руку в таком положении очень долго, она начинает болеть. И все впустую. Я знаю, когда пришло осознание: в телеге, по дороге на гору Шеваль-Нуар. Когда нас так швыряло, я перестала думать о конечном виде своего рисунка и сосредоточилась на движении, о чем мне постоянно твердил Бай. Я была так близка к тому, чтобы увидеть химер... Вот почему я заметила отражение дракона в зеркале.

– *Ци* – это название силы у народа Менга, но эта сила должна быть универсальной, – заметил Оанко. – Новое знание находится в тебе, и ты, вероятно, все еще можешь его использовать.

– Если бы овладение *ци* было опасно для них только в Поднебесной, Ли без проблем позволил бы тебе вернуться назад, как того хотели херувимы, – добавил Энндал.

– Кстати, – заговорила Лиз, – как ты думаешь, почему херувимы хотели тебя отпустить?

– Если бы я знала...

– Когда они в последний раз пытались убить тебя, они все еще думали, что письмо твоего отца было написано в реальном мире, – размышлял Энндал. – Мы помним, что Цитадель рассматривает только доказательства, созданные в реальности. Теперь они знают, что это письмо не может их уличить. Возможно, они изменили свой план.

– Брисеида по-прежнему является доказательством их ошибки, – сказала Лиз. – Что, если они надеются искупить

свою вину, доставив старика из пустыни в Цитадель? Возможно, они надеются отследить источник сопротивления, теперь, когда им известна личность Брисеиды.

Они молча размышляли о возможных последствиях теории Лиз.

– Было бы здорово, если бы они больше не пытались нас убить, – пробубнил Эней, всегда считавший, что стакан наполовину полон.

– Если только они не думают, что у них есть шанс уничтожить сопротивление раз и навсегда, – заметил Энндал.

– Если херувимы будут шпионить за нами, как мы за Элитой, преимущество будет за тем, кто первым найдет слабые места противника, – заключил Менг. – Время уходит.

– У нас осталась только половина песка торговцев, – заметила Лиз. – Нам придется действовать осторожно. Быстро установите контакт с местными обитателями, но будьте осторожны, так как любой может оказаться членом Элиты, хранителем или будущим студентом.

– Мадам Тити Л’Эрб, можно немного кипятка? – спросил Оанко. – Я уже закончил с нашим раненым, пора его будить.

Благодаря отвару Оанко Леонель внезапно и болезненно пришел в себя, как человек, на которого вылили ведро воды, чтобы помочь избавиться от похмелья. Его разбудили крики торговцев, которые постоянно сообщали о преимуществах своих товаров:

– ВСЕМОГУЩИЙ ПОЖИРАТЕЛЬ! ПРЫГАЮЩАЯ ПИ-

ПЕТКА! НЕВЕРОЯТНАЯ ЗАКУСКА!

– КТО ЖЕЛАЕТ ПРИОБРЕСТИ КРАСИВУЮ ЗОЛОТУЮ РАМКУ? НЕСОКРУШИМАЯ РАМА, СКЛАДНОЙ КАРКАС, ВОСХИТИТЕЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ И НЕУСТАННЫЙ ПЕРЕХОД!

– Заткните их, – прорычал он, склонив голову к локтям.

– Они как петухи, перестают кукарекать только с заходом солнца, – усмехнулась торговка.

Леонель приоткрыл один глаз.

– Но... – сказал он, садясь, – вы все здесь! И... мы здесь!

Обнаружив пропасть под ногами, он резко ухватился за перекладины колеса, на котором находился. Оанко мягко подтолкнул его, чтобы парень снова лег.

– Нас спас призрак, а вас – дракон, которого смогла удерживать Брисеида.

– Что? Ай! Что еще она вам наплела?

– Введете его в курс дела, пока я немного прогуляюсь? – ответила Брисеида, которой не терпелось дать парню хорошего пинка. – Лиз, одолжишь мне несколько калуров? Мне нужно купить чернила.

– Перестань вести себя как ребенок, Лео, – улыбнулась она, потянувшись к своей наплечной сумке и протянув Брисеиде четыре кусочка папье-маше. – Только дураки не меняют своего мнения. И давайте посмотрим правде в глаза: химеры существуют, нравится нам это или нет.

Брисеида заметила большой ларек, где можно было купить чернила. Она пробиралась сквозь толпу, когда густой туман заполнил Площадь Времени. Вскоре она могла видеть только кончик своего носа. Девушка попыталась найти палатку, ориентируясь на голоса торговцев, которые в кои-то веки оказались желанными, но наткнулась на прилавок каравана.

– Извините, я хочу купить чернила, не подскажете, где их можно найти?

Никто так и не ответил ей. Вдруг облако рассеялось, и сквозь белый туман показалась фигура торговца, сидящего со скрещенными ногами, его взгляд был рассеян. Перед ним была выставлена впечатляющая коллекция песочных часов всех размеров. Современные или антикварные, резные, с замысловатыми узорами, но все они были покрыты толстым слоем пыли.

– Я знаю вас! – воскликнула Брисеида.

Она повернулась, чтобы взглянуть на торговца картами, который в прошлый раз находился на другой стороне улицы. Он одарил ее дружелюбной улыбкой, едва заметной в тумане. Она перешла через дорогу, чтобы поприветствовать его.

– Здравствуйте! Вы меня помните? Я недавно прибыла сюда.

– Естественно, юная леди! Я помню вас, как будто все произошло вчера! Как продвигается ваша работа над прелестной теорией Нила Кубы-младшего о времени?

– Я бы хотела спросить вас: где вы нашли эту скульптуру? Кто-то отдал ее вам?

– О, вы знаете, я получаю их каждый день, причем с самого рассвета, – извинился он. – Я не веду учет, как вы могли подумать. Да, конечно, мне ее принесли, но кто и когда...

– Я понимаю, – вздохнула она. – Расскажите мне... о теории времени Нила Кубы-младшего... Как вы думаете, на каком диске реальности мы сейчас находимся?

– Вот это более легкий вопрос! Думаю, на четвертом.

– А... Хорошо, спасибо.

– Нет, подождите, на шестом. Да, верно, на шестом.

– Раз уж вы так говорите... – произнесла Брисеида.

Старик с песочными часами, который теперь был хорошо виден на другой стороне улицы, казалось, не сдвинулся ни на сантиметр с тех пор, как Брисеида в последний раз проходила через площадь.

– Скажите, торговец песочными часами напротив – единственный на площади?

– Единственный и неповторимый, мадемуазель!

– Спасибо.

Брисеида снова пересекла улицу.

– Здравствуйте! У меня уже есть песочные часы, но в них нет песка, я его растеряла. Не могли бы вы продать мне еще горстку?

Возможно, у них будет больше времени в следующей эпохе, если она сможет пополнить песочные часы? Не дождавшись его ответа, она рискнула провести пальцами по красивым измерительным приборам. Она подняла один из них, обнаружив идеально нарисованный круг пыли на прилавке. Она достала песочные часы из своего рюкзака и поднесла их к глазам.

– Если удастся заполнить их до этой отметки, то будет идеально.

Наконец старый торговец соизволил повернуть голову. Он вытащил руку из старой малиновой тоги и поднял три пальца.

– Три, – кивнула Брисеида с облегчением. – Не проблема.

Она достала три калура и протянула ему. Старый торговец прищурился, что-то прошипел себе под нос, и его рука скользнула обратно в укрытие одежды, как вуивр в свое логово.

– Три йены.

– Хорошо, три йены, – согласилась Брисеида.

Она отправилась за помощью к Менгу и вернулась с тремя монетами в руках.

– Нужны тибетские. Пятой династии! – прорычал старый торговец.

– Но у меня таких нет! – воскликнула она.

Старик остался невозмутимым. Издалека торговец календарями сочувственно помахал рукой, смеясь вполголоса. Брисеида постаралась придерживаться более дипломатичного тона:

– Послушайте, мне очень нужен песок. Если бы вы могли хотя бы сказать, когда была эта пятая династия... Может, договоримся?

– Он не менял свое решение на протяжении тысяч лет, думаешь, для тебя он сделает исключение?

Озорная улыбка, искрящиеся светлые глаза и нежные черты лица молодого человека заставили Брисеиду понять, что здесь она не самая младшая. У нее поднялось настроение. Как ни странно, она словно встретила старого друга.

Он откинул назад свои длинные черные волосы, под строгой рубашкой почти бесстыдно перекачивались атлетические мышцы.

– Для чего покупать старые песочные часы, полные пыли?

– Я ищу песок. Может быть, я смогу поискать в другом месте...

– Песок?

– У меня уже есть песочные часы, – объяснила она, показывая их ему.

– Ты хочешь засыпать обычный песок в часы песочников? – громко рассмеялся ее новый друг. – Но тогда ты испортишь свои бедные песочные часы! Нельзя смешивать по-

рошок идей с обычным песком!

– Порошок идей?

– Как давно ты путешествуешь?

– Не знаю... Я побывала в двух временных пространствах.

Молодой человек прислонился к прилавку старого торговца, чтобы лучше рассмотреть ее.

– Песок собирается с цветов сновидений, прежде чем феи перенесут идеи в реальный мир. Знаешь историю о феях?

– Конечно... Вроде бы, – добавила она, имея лишь смутное воспоминание о разговоре с первой группой бойцов сопротивления, которую они встретили на обратном пути из Греции. – Первая фея подарила понятие времени мужчине, которого она любила, чтобы он мог проецировать себя в будущее, придумать обработку земли и добиться процветания.

– Потому что тогда у мужчины было время для нее, – продолжал молодой человек. – А когда он умер, маленькая фея в память о нем распространила другие идеи из Мира Снов в реальный мир, и тысячи других фей последовали за ней. Конечно, это только образ, первой идеей человека не было сельское хозяйство. И юноша не умер, по крайней мере его дух выжил, в Мире Снов. Вместе они решили распространить другие идеи в реальном мире. И время от времени они наполняют песочные часы, чтобы помочь группе бойцов сопротивления.

– Песочники? – сказала озадаченная Брисеида. – Человек и фея – торговцы песком?

Улыбаясь, молодой человек пожал плечами:

– Это только теория. Безусловно, ясно то, что песок в их песочных часах – не более чем чистый порошок идей.

– В последнее наше путешествие мы узнали примерно такую же историю, – сказала Брисеида. – Мужчина влюбляется в небесное существо, ткачиху облаков, которая предлагает ему нечто, чтобы он мог соединиться с ней. В этой истории она спускает вниз шелковую нить, чтобы ее возлюбленный смог подняться на девять этажей небес. Мы предположили, что в легенде речь идет не только о любовной истории, но и о переходе химер между двумя мирами.

– Вы правы. Истории реального мира являются лишь версиями историй Мира Снов. И история первой идеи – это прежде всего история перехода химеры в реальность, поскольку химеры состоят из порошка идей.

– Что? То есть как?

– Все, что рождается в Мире Снов, рождается из цветов сновидений. Химеры рождаются в наших снах, потому что они сделаны из порошка идей.

– Брисеида, вот ты где! – воскликнула Лиз, возникнув из толпы. – Ты почти не ела и не спала в течение двух дней. У тебя темные круги под глазами, которые уже пугают. Менг купил хорошую еду, иди сюда, пока не умерла от голода.

– Это...

– Твой новый друг может пойти с нами, если хочет, – добавила она, приобняв ее за плечи. – Я не отпущу тебя, пока

ты не съешь что-нибудь.

Они устроились посреди Площади Времени, и новый друг Брисеиды повторил группе свою историю.

– Как ты можешь быть уверен, что это порошок идей? – спросил Леонель, прикладывая импровизированный компресс к ноющему черепу.

– Разве вы не заметили, что песок течет неравномерно? – ответил молодой человек. – Сколько времени вы провели в первой эпохе?

– Всего три дня, – ответил Эней.

– А в следующей?

– Более пятнадцати дней. – Молодой человек улыбнулся.

– Песочные часы отражают ваше представление о времени. Время, которое, как вы думаете, у вас есть в каждой эпохе. Все зависит от вас.

– Песочники могли бы предупредить нас, – заметила Брисеида. – Если бы мы знали...

– Все не так просто, песочные часы подчиняются той части тебя, которую ты вряд ли можешь контролировать. Все находится в твоём подсознании, – сказал он, протянув руку, чтобы коснуться ее виска.

– А также наши убеждения?

Молодой человек кивнул:

– Сложно освоить, но не невозможно. Ты не найдешь здесь порошок идей. Но в следующий раз можно попытаться сделать так, чтобы ваше путешествие продлилось дольше.

– Каким образом?

– Представляя, что песчинки падают медленно. Уделять время дыханию, чтобы тебя не переполняло ощущение нехватки времени... И, конечно, не терять песок. Как это вообще получилось?

– Один из членов Альфа-Элиты взял песок, чтобы заточить химеру.

– Действительно, это единственный способ поймать химеру. Только идея может заключить в себе другую идею.

– Альфа также сказал мне, что некоторые херувимы, которые ищут нас, обнаружили меня по особенности моих песочных часов. Они нашли меня с помощью значка в первой эпохе, и тогда я использовала песочные часы перед ними, чтобы заново запустить время, на котором они остановились. Альфа использовал тот же песок, чтобы заточить химеру во второй эпохе.

– Альфа сказал тебе правду. Для химер реальный мир так же размыт и нелогичен, как для нас, смертных, Мир Снов. Единственный способ для них не потеряться в нем – найти опорные точки из своего мира. Думайте о мосте химер как о натянутом канате: вам нужен кто-то с каждой стороны, что-

бы удержать его. Песок пустынной пары, когда он пролетает внутри стеклянных колб, значок, если кто-то обращает на него внимание, колокольчик, в который звонит член Элиты, произведение искусства, когда его создают или наблюдают...

– ...и воплощение легенды, которой жил народ?

– Именно.

– Похоже, ты много знаешь о химерах, – заметил Леонель слегка раздраженным тоном. – Так странно: когда мы были здесь в последний раз, каждый все гадал, существуют ли они на самом деле.

– Да, в том-то и дело, – ответил молодой человек со смехом. – Здесь вы встречаете только тех людей, с которыми готовы встретиться. Это очень раздражает, согласитесь, особенно спустя несколько месяцев.

– Ты со своей группой посетил много эпох?

– У нас осталась только одна.

– И вы восстановили поток? Вывели химер, контролируемых Цитаделью, из реального мира?

– Мы стараемся, по крайней мере...

– Каким образом?

– Вначале пробовали использовать троплей. Существует множество легенд о пейзажах, которые настолько реалистичны, что в них можно входить. Было написано множество пейзажей. Изображения химер, чтобы привлекать их, и они даже подходили очень близко к ним. Но ни одна химера не настолько глупа, чтобы с разбегу врезаться головой в твер-

дое полотно.

Каким бы красивым он ни был, трюмплей не кажется средством для создания перехода. Брисеида нахмурилась. Они столкнулись с теми же проблемами, что и проводники Цитадели. Она полагала, что проводники остаются запертыми из-за своей человеческой природы. Но, возможно, она ошибалась.

– На каком уровне реальности находились химеры, которых вы выводили? – спросила она.

– На втором, на том, который позволяет нам их видеть.

– Скорее всего нет. Я видела, как химеры выходят из картин, которые предназначены для перехода. Вы должны провести химер через картины, когда они находятся на более высоком диске.

– Но если они находятся на более высоком уровне, они уже в Мире Снов, а ведь мы пытаемся отправить их обратно в Мир Снов, мы пытаемся заставить их пройти через картины. Химеры приходят в реальность через произведения искусства. Мы хотели заставить их пойти по тому же пути в другом направлении.

– О да, конечно... Прошу прощения... Я не думаю, что трюмплей – это решение. Я знаю, выглядит заманчиво. Я сама испытала ощущение, что могу попасть внутрь картины в Цитадели, когда смотрела на картину, на которой была изображена легенда о крепости: черный дракон души и красный дракон сердца, сражающиеся под взглядом синего дра-

кона мудрости. Высокая трава на лугу казалась такой реальной, что я почти чувствовала, как ветерок ласкает мое лицо. Но это была приманка. Мне даже интересно, не выставляет ли Цитадель эти картины только для того, чтобы отвлечь внимание. Некоторые бедные проводники, которых я знаю, кажется, годами пытались спастись с помощью трюма. Уровень достоверности картин впечатляет. Однако они все еще находятся в одной и той же точке.

– Мы пришли к одинаковым выводам. В следующий раз мы просто подержим одну из тех пустых рамок, которые продают здесь торговцы. Возможно, химера станет тем самым элементом, который превратит пейзаж в картину. И мы добавим все безделушки, которые порекомендуют продавцы. Должна быть причина, по которой все эти объекты оказались на Площади Времени. На протяжении веков команды бойцов сопротивления наверняка находили им применение. Мы представляли их как части головоломки. Никому еще не удалось собрать их все в правильном порядке, но если немного поискать, возможно, удастся найти комбинацию инструментов, которая заставит химер пересечь уровни в нужном направлении.

– Вы уже почти закончили свой путь, но еще ни разу не преуспели? – Молодой человек улыбнулся Леонелю.

– Мы обнаружили много элементов, которые могут быть использованы для следующих бойцов. Однажды кто-то найдет решение. Но отправить химер обратно в Мир Снов – это

только первый шаг к ослаблению Цитадели! Затем мы должны выяснить, кто является Главой Цитадели, и понять, что он получает, контролируя мир. Только тогда мы можем надеяться на обнаружение Великой тайны, которая позволяет Цитадели оставаться скрытой. Такими темпами на это уйдут столетия!

Молодой человек пожал плечами:

– Да, но это не невозможно. Поиски сопротивления начались много веков назад, так что все не так уж плохо. В данном случае это не имеет особого смысла, поскольку в этом месте времени не существует.

Брисеида смотрела в бездну, пытаясь унять нарастающую тревогу. Она не могла позволить себе медлить, пока другие найдут решение спустя годы или столетия. Став студенткой Цитадели, она приняла условия сделки. Если она доживет до конца девяти месяцев, отведенных ей тайной школой, прежде чем найдет способ победить ее, то ей придет конец. Она провела бы остаток своей жизни разорванной на части, ее разум был бы заперт в крепости, как у всех провалившихся студентов, ее тело лежало бы, как овощ, в пригородном доме ее матери.

– Ты видишь химер? – спросила Лиз у юноши.

– Время от времени, но не всегда. Но вы можете хотя бы догадываться о них. Тот Альфа, с которым ты общалась, тебе удалось получить его кольцо и колокольчик?

– Я... наверное, смогла бы получить их, – ответила Бри-

сеида, – но, по правде говоря, тогда я об этом не думала.

– Очень жаль... Мы пытались несколько раз, но Альфы редко остаются одни.

– Благодаря херувимам мы до сих пор живы. Они попросили Альфу отпустить нас. Но почему?

– Не могу сказать. На вашем месте я бы не терял бдительности. Вы должны остерегаться херувимов, как чумы, они очень умны.

– Ты слышал о песенной карте, позволяющей получить доступ к переходу в Цитадель? – спросил Менг.

– Песенная карта? Нет. Постараюсь узнать.

– Лир! Пора идти, поторопись!

Молодой человек обернулся, сделав жест рукой:

– Да, да, я иду! Простите, ребята, но мне пора. Даже в свободное время уделяйте время бегу. Удачи вам.

– Лир, это твое имя? – ошеломленно спросила Брисеида.

Вот тут-то ей и показалось, что она узнала это лицо, этот взгляд. В гораздо более взрослом Лире.

– Ты из Спарты? – спросил Эней, также опешив.

– Как будто это написано на моем лице! – воскликнул

Лир, забавляясь.

– Лир! Пора!

– Иду! Клянусь, они могут еще долго доставать!

– Ты когда-нибудь видел это письмо? – спросила Брисеида, поспешно разворачивая письмо отца.

– Нет, никогда. Что это за язык?

– Французский. Однажды, позже, придет гонец и принесет его тебе. Я думаю... Если ты его получишь, ты должен хранить его очень бережно. Если ты сможешь спросить у гонца его имя... Ты не скажешь мне – я имею в виду, ты не назвал мне его имени, но никогда не знаешь, как все обернется. Многого меняется.

– Тогда мы еще встретимся, – сказал Лир.

– Как скоро?

– Очень не скоро. Может быть, еще сорок лет мы не будем знакомы. – Лир громко рассмеялся: – Зато я не умру молодым!

Улыбка Брисеиды была натянутой. В следующий раз, когда он попросится с ней, ему останется жить всего несколько мгновений. Его собирались казнить с помощью гарпии одновременно с Имэной, женой Энея. Какое странное чувство, какой странный секрет нужно хранить... Был ли кто-нибудь на этой площади, вокруг нее, кто уже знал, как она, Брисеида, умрет?

– Не волнуйся, я сохраню твое письмо, – добавил Лир, неправильно истолковав ее беспокойство. – Давайте, не теряйте мужества, друзья!

– Ну и болтун, – проворчал Леонель, приложив руку ко лбу, когда молодой человек ушел. – Из-за его крика у меня разболелась голова.

Брисеида смотрела, как Лир растворяется в толпе белых костюмов, и рассматривала письмо в своих руках. Ей следо-

вало воспользоваться ситуацией и задать ему больше вопросов. Сколько раз им выпадала возможность узнать так много нового?

– Осторожно! – крикнул мужчина, несущий в руках чашку с кипятком.

Немного кофе пролилось на ее письмо.

– Прошу прощения, мадемуазель.

– Ничего страшного, – сказала она раздраженно, вытирая жидкость рукавом, чтобы не повредить письмо.

Образовались коричневатые пятна, нарисовав на белой бумаге маленькие звездочки.

Одна была больше по размеру, внизу, где было написано имя ее отца. Брисеида сразу же увидела его, и все внутри нее рухнуло.

– Ты в порядке? – спросил Эней, видя, что она побледнела.

– Это то самое...

– Это то самое что?

– Он должен... Где он?

Осмотрев толпу глазами, она увидела группу Лира на краю площади. Они уже держались за руки, чтобы вернуться на свой путь.

– ЛИР! Стой! – крикнула она, бросившись за ними и протягивая письмо.

К счастью, слух у Лира был лучше, чем у письмоносца. Он повернулся и подождал, пока она добежит к нему.

– Это я должна отдать его тебе, – пролепетала она, задыхаясь, когда вложила письмо в его руки. – Я только что поняла это. Ты вернешь его мне, когда мы снова увидимся.

– Через сорок лет, да, хорошо, я понял, – засмеялся он, убирая письмо в сумку. – Желаю счастливой жизни и до скорой встречи!

Брисеида смотрела, как группа уходит, с болью в сердце. Она отказалась от единственной связи с отцом. Она должна была переписать текст. Даже если она читала письмо сотни раз, даже если ей казалось, что она знает его наизусть, это было не то же самое, что держать его в руках или прижимать к груди, иметь возможность прочитать его снова, когда она почувствует, что теряет контроль над собой. И вот тогда она до конца поняла, что произошло. Она никогда больше не увидит письмо.

Как странно, подумала она, все еще цепляясь за видение маленькой группы, уходящей в пустоту. Лир получил письмо благодаря их встрече на Площади Времени, которая не могла бы состояться, если бы он не передал письмо ей первым, в Спарте. Она терялась в догадках.

У Бенджи будет ответ, у него всегда есть ответ. Ей вдруг захотелось писать, как она делала каждый раз, когда чувствовала, что реальность ускользает от нее. Ей нужны были чернила.

– Почта.

Брисеида повернула голову, и сердце ее заколотилось

в груди.

– Письмоносец! – воскликнула она.

– Неизменный я, – ответил тот, явно пребывая в хорошем настроении.

На нем было желтое кепи, тень от козырька доходила до усов, которые стали короче с их первой встречи. Казалось, он чего-то ждет от нее.

Она вдруг поняла, что он протягивает ей сложенную пополам бумагу. Она развернула ее, и сердце снова бешено забилось.

Она держала в руках письмо отца, написанное на бумаге, еще более чистой, чем в первый раз. И все же это было то же самое письмо. Она изучила его достаточно внимательно, чтобы распознать каждый промах, каждое колебание в строке.

– Кто дал его вам? – спросила она, прежде чем он успел задуматься о побеге.

– Ты.

Она изучала его с минуту, чтобы понять, не смеется ли он над ней. Но письмоносец выглядел очень серьезным.

– Я не помню...

– Потому что ты дала мне его в своем будущем. И просила отдать его тебе в своем прошлом.

– Разве? Почему вы отдаете мне письмо именно сейчас?

– Ну, я не буду отдавать его тебе в то время, когда письмо уже у тебя! Нельзя поместить объект дважды в одно и то же

временное пространство! Люди считают, что можно делать все, что угодно, под предлогом, что происходящее выглядит беспорядочно. В конце концов, существуют правила.

Он не спешил уходить. Его глаза блестели, когда он наблюдал за тем, как она пытается собраться с мыслями.

– Когда я передала письмо себе? – пробормотала она.

– В первый раз или в последующий?

– Я отправляла себе письма несколько раз?

– Ты отправишь себе письма несколько раз. Нюанс.

– Сколько раз?

– О, дорогая! Я сбился со счета!

– Но зачем я это делала?

– Да откуда я знаю, ты мне не говорила... Может, чтобы послать себе подсказки.

– Подсказки?

– Ну, понимаешь, чтобы направить прошлое в будущее с помощью знаний, которыми будешь владеть в будущем.

Брисеида задумчиво кивнула, просматривая знакомые фразы. Если в оригинальный текст и добавили какие-то подсказки, то они были хорошо спрятаны.

– Почему бы мне просто все не рассказать себе, вместо того чтобы оставлять подсказки?

– Возможно, ты поняла, что не можешь говорить себе все. Таким образом, ты оставляешь себе несколько ключей, чтобы открывать нужные двери постепенно. Представить эти подсказки легко, потому что ты уже знаешь, когда произой-

дут события, которые помогут тебе понять их.

Теперь письмоносец, казалось, был доволен собой. Брисеида ответила небольшой гримасой недоверия:

– Ваша история... Она так запутана.

Он пожал плечами:

– Это всего лишь предположение. Оно совпадает с тем, что говорит твой отец.

Он указал на абзац и прочитал:

– *Невежество прошлого должно вызывать уважение, потому что ошибки, которые прошлое порождает, заставляют нас строить будущее.*

– Вы прочитали его? – воскликнула Брисеида, складывая письмо в защитном жесте.

– Письмо не запечатано, так что я не виноват.

Брисеида сунула лист бумаги в сумку. Если ей все-таки придется отправить письмо обратно, она должна более тщательно оберегать его.

– Я написала письмо, чтобы вы вернулись. Это было несколько недель назад, вы так и не пришли за ним.

– Я никогда не пропускаю ни одного письма! – возразил письмоносец.

Брисеида достала из сумки письмо, написанное отцу перед ее путешествием в Китай.

К счастью, она не думала о том, чтобы избавиться от него.

Свернутый пергамент, скрепленный бечевкой и основательно помятый после нескольких суматошных недель, сра-

зу же вызвал любопытство письмоносца. Он не пытался открыть его, но погладил пальцем имя Люсьена Ричетти, написанное вдоль свитка.

– Как ты написала это письмо?

– С помощью пера.

– Могу я взглянуть на него?

Брисеида достала свое перо, испачканное черными пятнами. Перо она бережно хранила в сумке.

– Ты пишешь этим? – воскликнул письмоносец, отказываясь взять перо, которое она протягивала ему. – Но зачем ты это делаешь? Перо херувима опасно!

– Перо херувима? Почему оно опасно? – спросила она, изучая свое перо уже с другой стороны.

– Потому что они подчиняются искаженным правилам Цитадели! Конечно, я не заметил твоего письма! Я работаю во имя свободного сна!

– Оно действительно опасно?

– Никогда не знаешь, на какой риск идешь с Цитаделью, но когда ущерб нанесен, отступать уже поздно! В любом случае с Люсьеном Ричетти невозможно связаться. Я могу передавать письма только между путешественниками, а он не путешествует, я не могу его найти. Это он написал письмо, верно? Он твой отец? Мне очень жаль, но тебе нельзя с ним разговаривать, пока ты не закончишь свое путешествие. Что ж, долг зовет! – воскликнул он, усаживаясь на свой одноколесный велосипед. – Не делай глупостей, и я надеюсь, что мы

еще не скоро увидимся!

Одного нажатия на педаль было достаточно, чтобы велосипед рухнул в пустоту. Письмоносец падал, как камень, крутя педали изо всех сил, пока по обе стороны колеса не раскрывались маленькие крылья, позволяя одноколесному велосипеду мягко возобновить свой путь между облаками.

– Все в порядке? – Энндал подошел к Брисеиде и обнял ее за плечи.

– Да, – сказала Брисеида, закрывая одной рукой сумку, чтобы получше спрятать перо, которое она только что убрала. – Лир обещал помочь нам, когда придет время.

– Понимаю, – сказал Энндал. – Он ведь в итоге так и поступил, верно?

– Энндал, в каком ларьке ты купил перо?

– Перо?

– Чтобы писать.

Рыцарь убрал руку.

– Ты хочешь, чтобы я купил перо? Зачем? Ты же знаешь, что я не умею писать.

Брисеида на мгновение замолчала. Она забыла об этой детали.

– Прости, просто я потеряла свое, – запнулась она. – Я подумала, что смогу купить еще перо, но у меня нет денег, так что если бы я могла использовать то, которое...

– Нельзя писать пером херувима, это слишком опасно, – ответил он, также в защитном жесте опустив руку на свою

сумку. – Мы не знаем, какая магия с ним связана. Однажды в Греции нас уже подловили, и больше рисковать мы не собираемся.

– Нет, конечно, ты прав, – заверила она его. – Я возьму у Оанко.

– В любом случае мы решили потратить все деньги Менга: они ему больше не понадобятся, пока он не вернется в Поднебесную. Оанко предложил взять на вооружение идею Лиры о поимке химер. Я думаю, он прав. Нам нужно пройти по торговым точкам, мы должны вместе найти что-нибудь полезное для нас, кроме кисточек фэн-шуй. Давай мы купим тебе новое перо.

Брисеида последовала за ним, закипая от мысли, что он забрал перо херувима из Греции, не сказав им об этом. Что касается ее, то она должна была догадаться о его происхождении: перо переносило ее в Цитадель. Она отказывалась видеть очевидное, слишком заинтересованная в его использовании...

Остальные уже стояли перед зеркалами, проверяя размер и вес каждого предмета. Лиз была шокирована отсутствием складывающихся зеркал. После зеркала – довольно простой, нескладной модели – они перешли к кистям и нескольким фоторамкам, на этот раз складным.

Ничего не случилось, мне не в чем себя упрекнуть, – повторяла про себя Брисеида, покупая чернила. Если бы херувимы использовали перо, чтобы попасть в группу через нее,

как они сделали это с оракулом в Греции, ее друзья уже заметили бы. Энндал зря волновался...

Возле витрины с гадательными сферами она вспомнила последний совет Фу Цзи, который также был обеспокоен тем, что она пользуется пером. Без сомнения, она действительно играла с огнем. Она пообещала себе избавиться от него.

Потом, когда пришло время покупать два сачка для бабочек и воронку, она решила, что будет держать перо в сумке на всякий случай.

Надежно упаковав свои находки, друзья переместились ближе к центру площади, чтобы послушать, как высокая чернокожая женщина обсуждает важность химер с молодым аборигеном.

Тема была не нова, и Брисеиде вскоре стало скучно.

Она достала свой блокнот и рассеянно пролистала его. Девушка на мгновение остановилась на фразах Бенджи, которые можно было четко различить по косому и торопливому характеру. Она размышляла над буквами, переставленными так, чтобы получились имена ее отца и брата: Нил Куба и Люсьен, Куба-младший и Жюль. Она перевернула следующую страницу, как страницу романа, представляя, какое удовольствие она могла бы получить, узнав продолжение истории, разгадку шифра. Что случилось с адским квартетом – отважным Нилом Младшим, Люсьеном и Жюлем?

Увлеченная своей мыслью, она не сразу заметила пред-

ложения, которые медленно возникали на странице. Однако они не были плодом ее воображения:

Люсьен Ричетти проработал в Национальном центре научных исследований двенадцать лет, когда неожиданно уволился, чтобы открыть свой собственный исследовательский центр в бывшем гараже. Большие года он потратил на обустройство гаража, его утепление и оснащение технологическим оборудованием, которое он сделал сам.

Под его именем не было опубликовано ни одного результата исследований. Понять природу устройств, которые он создавал, можно только путем перекрестной проверки отчетов о расходах, найденных в специализированных магазинах, где он их покупал. После окончания строительного периода наступила тишина, длившаяся чуть более года. Затем Люсьена вычислили по его жене Анни, которая в первый раз отвезла его в больницу и дала объяснения.

У меня есть запись.

Брисеида быстро закрыла свой блокнот. Она не ответила. Она только что пообещала себе, что больше не будет пользоваться пером.

Мама уже рассказала ей о случившемся. Эта запись ничего нового ей не откроет. Во время исследований Люсьен становился все более неуравновешенным, вспыльчивым и пристрастился к выпивке. В итоге Анни отвезла его в больницу. На этом все и закончилось. Могла ли мама что-нибудь скры-

вать от нее?

Брисеида снова открыла блокнот. Бенджи добавил три маленьких многоточия под своим текстом. Она сжала страницы между ладонями. Она не ответит.

Ее пальцы нежно скользили по обложке блокнота, играя со страницами.

Может ли магия пера работать на Площади Времени? В конце концов, она переписывалась с Бенджи только в Китае, так что, возможно, здесь правила окажутся другими...

Разве это не стало бы важным открытием, если бы общение было возможно и в самом центре неба? Несомненно, наступит день, когда она будет кусать локти, упрекая себя за то, что у нее не хватило смелости проверить столь важный факт...

Она сунула руку в сумку, порылась там несколько мгновений, достала перо и постаралась изобразить удивление:

– Вот! Оно было в сумке! Я нашла его!

Но никто не обратил на нее внимания.

2. Нил куба и сын

Бенджи поднял голову, как только Брисеида взялась за перо. Он по-прежнему не мог видеть ее, но, похоже, у него появилась способность ощущать ее присутствие.

Не говоря ни слова, юноша положил магнитофон на стол и нажал кнопку воспроизведения. Раздался треск, затем хрупкий, блеклый, но удивительно знакомый голос. Брисеида и не подозревала, как сильно она скучает по матери. Она села на край стола, чтобы лучше воспринимать звучание ее слов.

– Как давно он не ел?

– Три дня. Я не сразу это поняла. Некоторое время он от-

казывался садиться с нами за стол. Он сказал, что у него нет времени, что каждая минута на счету. Я приносила ему еду в мастерскую, которая находится через дорогу, в конце улицы, в тупике. Я подумала, что могу ему помочь... Если бы я позволила ему полностью сосредоточиться на своих исследованиях, он, возможно, быстрее смог бы их провести, и все вернулось бы на круги своя. Я хотела, чтобы он закончил до рождения нашего сына... Я хотела, чтобы его отец был там, чтобы приветствовать его... Три дня назад наш сосед, который заведует лабораторией, уехал в командировку. Люсьен воспользовался случаем, чтобы выбросить в мусорное ведро все, что я ему приносила.

– В этом отчете говорится, что у вашего мужа также наблюдаются признаки недосыпания.

– Он уже некоторое время отказывался спать.

– Чтобы не терять время?

– Отчасти.

– А уровень алкоголя в его крови?

– ...Вам объяснили принцип его исследований?

– Нет.

– Мой муж ушел из НЦНИ¹ два года назад, чтобы изучать физический потенциал сновидений. Никто не воспринимал его исследования всерьез. Мода в научных кругах скорее противоположная: изучается отсутствие материи в физическом мире. Но я не собираюсь говорить с вами об

¹ НЦНИ – Национальный центр научных исследований.

этом.

– Разумеется.

– Люсьен в здравом уме. Хотя иногда он выдвигает эксцентричные идеи, среди своих коллег он всегда считался выдающимся ученым. Его дискредитирует не характер его исследований, а то, что он не терпит задержек и компромиссов. Он, как и все великие в своей области, действует исходя из инстинкта. Для него проверка гипотезы, которую он считает верной, с помощью контргипотез – пустая трата времени.

Поскольку НЦНИ не поддержал его, он построил собственную лабораторию и начал экспериментировать на себе. Он засыпал в сканере, который сам для себя построил, записывал свою мозговую активность и анализировал ее, когда просыпался.

Вначале все работало так, как он хотел. Он был очень доволен, даже сказал мне, что его исследования продвигаются лучше, чем он мог предположить. Тогда этого было недостаточно. Он всегда думает, что может выиграть время, он спешит вперед, даже если приходится подвергать себя опасности. Он хотел найти способ продлить быстрые фазы сна, чтобы лучше наблюдать за ними. За периодами его сна, я имею в виду.

– Да, я поняла.

– Простите... С того момента, как он начал играть со сном, все пошло наперекосяк. Он переходил от полной эйфо-

риш к глубокой депрессии в течение нескольких часов, устранивая истерики по пустякам. Я больше не узнавала его. Я пыталась отговорить его от продолжения исследований, но он такой упрямый... Он сказал, что выпивка помогает ему в экспериментах. Я попыталась спрятать бутылки с виски, но он очень разозлился.

Он начал видеть во мне врага. Он не пускал меня в лабораторию, не рассказывал о своих исследованиях и почти не разговаривал с соседом, у которого не хватило духу выгнать его. Я, конечно, волновалась, но я действительно не знала, что делать. Я думала, что, если поддержу его... Иногда вечером, когда я приносила ему еду, я слышала, как он плачет за дверью. Я воспользовалась одной из его вспышек ярости, чтобы убедить его отправиться в больницу. Он действительно нездоров. Вы должны помочь ему...

– Вот, возьмите.

– Спасибо.

Анни высморкалась, а затем продолжила:

– Я думаю... Я думаю, что он тоже не до конца понимает, что с ним происходит, несмотря на то что он может говорить. Вот почему он согласился пойти со мной сегодня.

– Не волнуйтесь, мадам Ричетти, ваш муж в надежных руках. Отправляйтесь спать и возвращайтесь утром. Мы сможем подробнее рассказать вам о том, что происходит».

Щелчок означал конец записи. Бенджи вынул кассету из магнитофона. На пальце у него было кольцо, которое ему подарила проводник Кати. Он позвонил в треснутый колокольчик.

Брисеида проглотила комок в горле. Что за отец, который скорее будет плакать из-за своих исследований, чем откроет дверь своей беременной жене?

– *Кто эта женщина, которая задавала вопросы?* – спросила она, наконец.

– Я не знаю, – ответил Бенджи через мгновение. – Эта запись – последнее, что я смог найти о твоём отце. За исключением, конечно, записей о посещаемости, о том, что он ел в течение трех лет в больнице, пока Анни не вернула его домой, об анализах крови и других медицинских исследованиях. Запись была в личном деле твоей матери, возможно, поэтому она не осталась в стороне, как и остальная информация о Люсьене Ричетти.

– *А как же мы с братом?*

– Ничего особенного. Ваше здоровье и другие записи. Я не нашел ничего о Жюле, кроме его возраста. Ему одиннадцать, не так ли?

– *Да.*

– Вероятно, все было конфисковано Цитаделью, как и бумаги твоего отца. Вот почему я не смог найти файл Нила Кубы-младшего у проводников на днях.

– Конфисковано Элитой или хранителем типа доктора Мулена?

– Разницы нет.

Брисеида ожидала, что Бенджи завалит ее вопросами, но он довольствовался изучением пустоты, которую образовала ее невидимая фигура, с ощутимой тщательностью.

– Ты всегда смотришь направо слишком пристально. Это немного дезориентирует, – заметила Брисеида, нарушая неловкое молчание.

– Сложно говорить, не видя тебя.

– Просто посмотри на того минотавра в углу рамы, – решила Брисеида, бесполезно указав на картину позади себя. – Я буду стоять прямо перед ним. Так я действительно почувствую, что ты говоришь со мной.

Она встала перед картиной и тут же пожалела о своем шаге. Гораздо проще было молчать и не встречаться с ним взглядом.

– Привет, Брисеида, – сказал Бенджи, – ты сегодня хорошо выглядишь. Возможно, слегка лохматая.

– Я не была уверена, что могу доверять тебе, – сказала она. – Вот почему я ничего не рассказала раньше. Прости.

– Да нет, я понимаю, у стен здесь есть уши. Лучше всего свести сказанное к минимуму.

– Разве ты не хочешь знать, как я сюда попала?

– Нет, если это подвергнет тебя опасности. Наверное, так и есть?

– Да... Не сомневаюсь.

– Так что давай сохраним наш маленький секрет.

– Как ты пообщался с Катю и другим проводником?

– Они выгнали меня сразу после твоего исчезновения.

Они не помогли мне узнать, кто ты и твой отец, если тебе это интересно.

– Теперь, когда ты знаешь, кто я, не мог бы ты дать мне песенную карту Цитадели?

– Прощу прощения, но она конфиденциальна.

– Мы должны доверять друг другу, иначе у нас ничего не получится, – возразила Брисеида.

Бенджи кивнул в знак согласия, но ничего не ответил.

– Где ты взял перо? – поинтересовалась девушка.

– Адресую тебе твой же вопрос.

– А кто сказал, что оно у меня есть?

Бенджи понимающе улыбнулся, а затем невинно продолжил:

– Мы должны доверять друг другу, иначе у нас ничего не получится.

Сильный ветер ударил Брисеиду в грудь и перехватил ды-

хание. В следующее мгновение она снова оказалась на Площади Времени. Лиз стояла над ней с пером херувима в руках.

– Мое перо! – запротестовала Брисеида. – Я писала!

– Я вижу, и пора закругляться. Ты слышала Энндала, пора спать. Не хочу упасть вниз, если ты не выспишься и уснешь только под утро.

– Могла бы просто сказать, а не вырывать перо из моих рук!

– Я говорила тебе три раза! Не моя вина, что твоя голова чем-то забита!

Лиз бросила в нее перо, и оно закружилось в воздушном вихре. Брисеида поспешно поймала его и сунула в сумку, бросив раздраженный взгляд на Лиз.

– Нет, это большая редкость – встретить другого бойца сопротивления в своем собственном временном пространстве, – ответила Менгу женщина, сидевшая со скрещенными ногами у костра. – Странно, что вы встретили этого Лира. Причиной может быть письмо. Он ждал вас и нашел вас. Вам повезло...

– Вы никогда не получали помощь? Даже от архетипа?

– Вы получили помощь от одного из духов Мира Снов?

– Что?

– Архетипические духи, персонажи, встречающиеся в различных культурах человечества, с их узнаваемыми чертами характера: герой, глупец, мудрец, гонец... Например, старик в пустыне – мудрец, а письмоносец на одноколесном велоси-

педe – гонец. Кто из них помог вам?

– О нет, я говорю о существах физического мира, людях, которые рождаются с чертами архетипического духа. Вы знаете, те люди, которые немного... ну, которые живут в своем воображаемом мире. Помогал вам кто-нибудь из них?

– Ах, эти! Нет... Человеческие архетипы не понимают происхождения своих даров. Они воспринимают существование Мира Снов, но интерпретируют свои видения через призму своих культур, и у каждого свое видение истории. На них нельзя полагаться. В реальном мире мы одни против Элиты.

Долгое время Брисеида лежала без сна, созерцая танец облаков в сиянии луны, укрытой одеялом из звезд.

3. Баня и свиньи

Они встали на рассвете, чтобы попрактиковаться в рисовании под руководством Брисеиды, прежде чем снова отправиться в путь. Результаты оказались не очень впечатляющими. Несмотря на то что ее обучал опытный человек, потребовалось несколько дней упорной работы, чтобы Брисеида начала воспринимать тонкости энергии, которую она могла направлять. Она пыталась выразить словами ощущение, которое едва понимала, о котором могла только догадываться. Она должна была следовать своим импульсам, не думая, не пытаясь понять, течет ли через них энергия *ци*, или движение было плодом их воображения. Менг поднял бровь, услышав, как она произнесла слово «импульс».

– Неудивительно, что мой брат выбрал тебя в ученики, – вздохнул он. После двух часов упражнений Эндал пришел

к выводу, что потребуется несколько занятий и что им придется завершить свое обучение на земле в следующем пункте назначения.

Лиз заставила всех вернуться в строй, чтобы изучить варианты приземления. Брисеида подозревала, что она делает это просто ради развлечения, чтобы водить мужчин за нос: они поняли, что Оанко уже пересекался с несколькими белыми мужчинами на родине, до своего путешествия. Его время должно было наступить после эпохи рыцаря и до двадцатого века, к которому принадлежал Леонель.

Затем они обратили внимание на свои покупки, сделанные накануне. Они хотели бы проверить теории Лира и попытаться поймать химеру в ловушку на Площади Времени. Зная, что их надежды тщетны, они довольствовались тем, что назначили каждому из них определенную роль, чтобы быстро реагировать, когда представится возможность. Брисеида, естественно, отвечала за привлечение химер своими рисунками. Менг держал зеркало под прицелом. Эней и Оанко, быстрые и ловкие, были готовы наброситься со своими двумя ловцами идей. Леонель держал развернутую рамку, а Лиз пыталась использовать свой опыт будущего, чтобы найти применение предметам, которые рекомендовали торговцы: воронке, хрустальному шару, наперстку и вееру. Энндал оставался начеку, с мечом в руке, на случай, если их эксперименты пойдут не так.

Остальная часть их плана была нехитрой: они прибли-

жались к правящему кругу, чтобы понаблюдать за Элитой, узнать о преобладающих легендах того времени и держать пальцы скрещенными, чтобы эта поездка прошла лучше, чем предыдущая. И все же Брисеида почувствовала прилив сил, когда достала инструменты старой женщины из пустыни и сделала первый шаг в пустоту по их следующей невидимой лестнице. Она никогда не чувствовала себя так близко к своим спутникам. Теперь у них в руках были ключи. И план.

Небо было чистым, как лазурное море. Солнце нежно ласкало ее кожу. Свежий утренний воздух наполнил легкие. Нереальная тишина и полное отсутствие ориентиров делали их продвижение абстрактным и почти лишали Брисеиду чувства опасности. Полупрозрачная дорожка, усеянная яркими вспышками парфюмерного тумана, открылась перед ними, как новое обещание.

Брисеида могла бы подумать, что находится в раю, если бы не назойливый аромат, который время от времени доносился до нее.

Все чаще и чаще. Все насыщеннее и насыщеннее.

– Вы что-нибудь чувствуете? – наконец спросил Энндал,

стоящий во главе отряда.

– Я вроде бы чувствую, но каждый раз, когда я открываю рот, меня называют слабачкой, – заметила Лиз.

– Должно быть, мы недалеко от места перехода, давайте будем начеку, – сказал Менг.

– Но мы только что отправились, – ответила Брисеида, – конечно, это не...

Внезапно обнадеживающий свет небес исчез, раздавленный тьмой. Под ногами земля размягчилась, холодная, склизкая почва проникла в ее сандалии, поглотила ее до щиколоток и заставила потерять равновесие. Она упала вперед, ее потянул за собой Леонель, подтолкнула Лиз, и, уткнувшись носом в грязь, впервые в жизни открыла для себя всю жестокость и глубину слова «зловоние».

– Если бы мне попался тот идиот, который придумал эту лестницу, – прорычала Лиз таким угрожающим голосом, что собравшиеся вокруг них свиньи мгновенно перестали визжать.

– По крайней мере, мы все еще живы, – заметил Эней.

– Нет, Эней, стакан не наполовину полон, он определенно и полностью пуст!

– Какой стакан?

– Это выраже... Боже мой, как мне надоело!

– Это мое лицо, – заметил Леонель.

– Прости, – извинился Энндал, – я подумал, что это свинья. Я имею в виду...

Брисеида хихикнула, ее горло наполнилось дурманящими запахами, от которых она закашлялась и задохнулась.

– Молодец, – сказал Леонель, прежде чем смех Оанко и Энея заглушил его.

Они все еще смеялись, радуясь, что выжили на лестнице, когда дверь открылась и на площадке небольшого строения появилась большая фигура с вилами и факелом:

– КТО ЗДЕСЬ?

– Думаю, начну я, – сказал Энндал, прежде чем выбраться из грязи.

Он перемахнул через ограду загона и подошел к человеку с вилами.

– О, мой добрый друг, я Энндалор д'Имбер, сын Мари д'Арманьяк и Аюла д'Имбера, виконт земель Арланк и Кинлха, знаменосец Лангедока и рыцарь Ордена Дракона. Я путешествую по королевству Арагон. Не будете ли вы так добры сказать мне, где мы находимся и с кем имеем дело?

– Откуда вы родом?

– Из Валь-д'Аран, также расположенного в королевстве Арагон.

– Хм... Я – Уливе, а вы находитесь в загоне для свиней в моем трактире.

– Да... Мы заблудились.

– Прямо здесь? – осторожно спросил мужчина.

– Да. Если можно так выразиться.

– И что именно вы здесь искали?

– Место, где можно отдохнуть. Комната в вашем трактире была бы куда приятнее, чем загон для свиней.

Уливе воткнул вилы в землю, пытаясь понять, смеются ли над ним.

– Мы находимся на дороге в Мирпуа и в Каркасон. Здесь бывает много людей. Но никто не появляется тут посреди ночи, будто свалился с неба.

– Каркасон?

– Менее чем в дне пути.

– Хм... Вы же не откажете рыцарю Ордена Дракона во вкусном обеде?

Мужчина хмыкнул:

– Сначала спросите у Менины, иначе она будет не очень довольна. Следуйте за мной.

– Мы ведь не в королевстве Арагон? – тихо спросил Менг у рыцаря, который помогал ему выбраться из грязи.

– Нет... Я думал, что именно в королевстве я находился до нашего путешествия. Я пробыл там несколько месяцев...

– И как далеко Арагон отсюда?

– По другую сторону больших гор, на юге. Вряд ли мы встретим здесь моего двойника.

– Ничего удивительного, – негромко заметила Лиз, – в Китае мы тоже оказались рядом с домом Менга, пока он был в отъезде.

– Да... Только вот мой фео²д не в этом крае...

² Фео²д – земля, пожалованная вассалу сеньором в наследственное владение,

Не отрывая от них глаз, Уливе провел их вокруг дома с вилами в руках, а затем указал на тяжелую дверь, врезанную между открытыми балками большого здания. Энндал надавил на нее кулаком, чтобы не испачкать ручку. Их встретил клуб дыма. Шум вскоре прекратился, и головы повернулись в их сторону.

– Кого ты привел, Уливе? – крикнула крупная женщина, двигаясь между столами от большого камина, чтобы подойти к ним, держа кувшин в руке.

– Мессир д’Имбер, из Арагона и Ордена Дракона, заблудился со своей свитой в загоне для свиней, Менина, – ответил Уливе, пожав плечами с озадаченным видом.

По залу пронеслось несколько смешков среди сидящих за столом мужчин с большими животами и в рубашках. Собравшиеся отдыхали после работы. Менина с ухмылкой оглядела Энндала с ног до головы:

– Ну, сир, разве вам не говорили, что есть более легкие способы поселиться в трактире?

Энндал улыбнулся, кивнул, но медленно достал свой меч, висевший у него за спиной, чтобы осмотреть лезвие на виду у всех. В комнате воцарилась гробовая тишина.

– Мой меч пострадал при приземлении. Ему не помешает ваша забота. Рыцарь Ордена Дракона умеет быть щедрым, когда его хорошо принимают. Для начала нам не мешало бы

пользование и распоряжение на условиях несения вассалом военной, административной или придворной службы в пользу сеньора.

немного привести себя в порядок.

– Хм. Вы прибыли на собрание штатов Лангедока или на турнир? Пожалуй, следует посетить оба события. Предупреждаю вас: больше мест нет, вы будете спать в хлеву. Уливе, принеси на кухню остатки воды в котле. Если ваша светлость последует за мной... Вам повезло, вода в ванне еще почти теплая. Немного магии, и ваши задницы согреются, мессир, – объявила Менина, широко распахивая дверь. – Весна запозднилась, не так ли?

Лиз вошла в комнату первой, пытаясь отыскать ванну, о которой ей только что рассказали. В темной кухне, освещенной двумя жалкими свечами, был только деревенский стол, покрытый старой простыней, на которой громоздилась грязная посуда, камин без огня, несколько кастрюль и сушеных окороков, свисающих с потолочных балок.

Из-под стола Менина достала большую деревянную лохань с железным ободом, покрытую изнутри коричневой тканью, пропитанной водой.

– Забавная у вас одежда, – усмехнулась она, взглянув на Лиз.

– Может, вы придумаете, где нам взять сменную, – сказал Энндал, придя на помощь Лиз, загипнотизированной ванночкой. – Мы не можем завтра отправиться в путь в этих лохмотьях...

– О, несложно придумать, – успокоила его Менина, принимая наполовину полный котел из рук только что вошед-

шего Уливе. – Но мое воображение любит видеть цвет монет, а только потом раскрывает себя.

– Я мог бы заплатить вам сейчас, – согласился Энндал, – но мне нужны деньги, которые у меня остались, чтобы добраться до Каркасона завтра. Вот что я предлагаю: позвольте мне использовать несколько эки³, чтобы отправить гонца в мой феод, и менее чем через две недели вам будет выплачено вдвое больше, чем нужно.

– Хм. Такой риск для двойной суммы очень велик. Предположим, ваш гонец потерялся по дороге? Ради тройной суммы я, пожалуй, могла бы постараться. Конечно, при условии, что вы оставите мне жетон.

Энндал протянул Менине золотой медальон, который был аккуратно извлечен из сумки и помещен между ее грязными пальцами. Менина обмакнула медальон в воду, затем погладила золотого дракона с хвостом, обернутым вокруг шеи, спина которого была покрыта большим серебряным листом с длинным красным крестом.

– Это эмблема моего рыцарского ордена. Этот медальон – моя самая ценная вещь, примите его как залог до возвращения моего гонца.

– Орден Дракона, да?

Менина сунула дракона в карман, выловила морковку, которая мокла в котле, и вылила остатки отвара в лохань.

– Вот так, милорды, горячая банька. Мыла не осталось, но

³ Экию – название средневековых золотых и серебряных монет Франции.

бульон замаскирует неприятные запахи. Почему бы вам просто не вымазаться в нем, чтобы мне не пришлось брать в руки ваши тряпки. Ну? Я не собираюсь нагревать воду в третий раз!

Размякшей морковкой она подтолкнула Лиз в спину, одновременно прогоняя остальных рукой.

– Вперед!

Прежде чем дверь закрылась, Брисеида успела увидеть, как Лиз нерешительно окунула палец в смесь, и неожиданно для всех ей вылили полное ведро воды на голову.

– Госпожа! – воскликнула Менина, не обращая внимания на удивленный вскрик Лиз. – У вас рыжие волосы! Если бы я только знала!

Лиз появилась через несколько минут в длинной белой рубашке со множеством пятен, которую принес Уливе.

– Следующие! – крикнула женщина, отделяя Брисеиду и Леонеля от остальных странной длинной щеткой.

– Вместе?

– О, ничего страшного, в вашем возрасте не видно разницы, – ответила Менина, захлопывая за ними дверь.

Она толкнула их полностью одетых в теплую лохань, усадила друг их напротив друга, капнула им на головы сероватой воды и начала скрести их спины своей толстой щеткой.

– Вы же не будете больше разгуливать в загоне для свиней? Как бы я ни старалась, такой запах просто так не исчезнет! Это рыжая привела вас сюда? Очередная уловка дьяво-

ла. Раздевайтесь, я выбью вещи дубинкой, только так можно попробовать избавиться от запаха. Не стесняйся, тебе не следовало одеваться как мальчик, если ты так беспокоишься о своем целомудрии.

Ухватившись за рукава Брисеиды, она дергала вверх, пока рубашка не поддалась. Брисеида погрузилась в воду так глубоко, как только могла, скрестив руки и покраснев, а Леонель упрямо изучал потолок и пол.

– Давай, ты тоже, и отдайте мне нижнее белье, вы же не собираетесь в нем спать.

Она как раз выжимала их брюки, когда в комнату ворвался Уливе.

– Менина, прибыло еще три человека, верхом на лошадях, они хотят есть!

– Сегодня меня не оставят в покое, – ворчала она. – Вы, ребята, оставайтесь на месте, я скоро вернусь. Где рубашки, которые я просила у тебя, Ули? Почему я должна все делать сама!

И Менина вышла из темной кухни, как торнадо, держа одежду на расстоянии вытянутой руки, за ней последовал Уливе.

Казалось, время остановилось. Брисеида и Леонель, погрузившись в солоноватую воду по самые подмышки, наблюдали, как между их коленями образуется рябь, ритмично повторяющая «шлеп-шлеп» падающих с потолка капель.

– Значит, ты приручила дракона, и мы полетели к подно-

жию лестницы, – рискнул заговорить Леонель.

– Канцлер Ли заключил дракона в темницу с помощью порошка идей из песочных часов торговцев. Я только достала песочные часы и надеялась, что дракон меня послушается.

Леонель поднял бровь:

– То же самое ты говорила на Площади Времени...

– Я не знаю, что еще сказать.

– Правду. Бай помог тебе, и он взял с тебя обещание не говорить его брату, поэтому ты придумала эту историю. Ты понимаешь, о чем я.

– Даже Менг поверил, – спокойно сказала Брисеида. – Я не понимаю, почему ты так настойчиво твердишь, что не веришь в химер.

– Я скажу тебе почему. Хотелось бы верить, что канцлер VIII века управляет доверчивым китайским народом с помощью своего дракона. Что средневековые ведьмы распространяют чуму и уничтожают деревни. Но снаряды, пулеметы, газ? Я не могу поверить, что это работа маленьких существ, которые вышли из моих снов с порошком идей. Мир, в котором я живу, реален, и его кошмар – дело рук человеческой жестокости.

– Вам там весело? – хихикали Лиз и Эней в коридоре.

Леонель схватил репу, которая плавала возле его локтя, и бросил ее в дверь, чтобы они замолчали. Они засвистели и с шумом удалились в сторону общего зала.

– В любом случае я не обязан тебя переубеждать. Ты дела-

ешь вид, что удивлена, но думаешь точно так же, как и я. Ты притворяешься, что веришь в них. Иначе ты бы уже их видела. Цепляешься за свой так называемый опыт, как за спасательный круг, чтобы сохранить иллюзию.

– Глупости!

– Ты так и не увидела ни одну химеру, да?

– Я видела их в зеркальном отражении.

– Не надо придумывать эту чушь, чтобы бороться с Цитаделью. Ты из будущего, ты должна все понимать. Но ты упрямая. Почему ты хочешь, чтобы химеры вообще существовали?

Брисеида хотела ответить, но остановила себя, не успев произнести ни слова. Она никогда раньше не задавалась этим вопросом.

– Я думаю, что... химеры необычны. Страшные, потому что Цитадель обратила их против нас, но вначале они – лишь воплощение наших мечтаний. Если химеры существуют, то это потому, что вокруг нас есть нечто удивительное. Именно потому, что мы еще не до конца постигли тайны этого мира, у нас еще есть шанс найти смысл жизни. Даже если, как в случае с химерами, нам приходится принимать лишь проблеск этого.

Какое-то движение привлекло внимание Брисеиды. Рябь на поверхности воды создавали уже не капли воды, падающие с потолка, а длинные, похожие на корни пальцы зелено-серого существа размером с кулак, которое сидело на

краю ванны и резвилось, наблюдая за ней.

– Понимаешь, – ответил Леонель с грустной улыбкой, – именно в этом твоя ошибка. Когда ты увидишь то, что *видел* я, ты поймешь, что в его тайне нет ничего прекрасного.

– ТАМ! – крикнула она, выпрыгивая из воды.

– БРИСЕИДА! – закричал Леонель, прикрывая глаза.

Маленькое существо уже исчезло.

– ОН БЫЛ ТАМ! Я ВИДЕЛА! А ТЫ? ОТКРОЙ ГЛАЗА! – крикнула она, оглядываясь в поисках существа.

– НО ТЫ С УМА СОШЛА! Я знаю, что я видел, прикройся!

Брисеида потянула за заляпанную грязной посудой скатерть. Три тарелки упали на пол и разбились на тысячу осколков. Она схватила тряпку, которым был обернут один из свисающих с потолка окороков.

– Я ВИДЕЛА ОДНОГО! – воскликнула она, бегом направляясь в общую комнату. – В бане! Я видела! Он... маленький, сморщенный! Я видела!

– Что? – ошеломленно спросил Менг, в его глазах отразилось то же удивление, что и во взглядах сидящих за ним мужчин.

Из кухни донесся громкий треск. Через несколько мгновений появился Леонель, вокруг его бедер была обернута скатерть, и парень воскликнул:

– Она сошла с ума!

Наступила тишина, а затем вся комната разразилась хох-

том. Брисеида следила за взглядами, направленными на Леонеля, и за мокрой тканью на его талии, которая прилипла к его коже и подчеркивала его...

– Нет, вы не понимаете! Я имела в виду... вещь, а, а... а то есть существо!

Смех все усиливался.

– Моя посуда! – пискнула Менина, белая как полотно, и побежала на кухню.

– Какого черта вы делаете? – ворчал Энндал, схватив Брисеиду своей грязной рукой и вытаскивая ее в коридор. – Почему нужно было появляться полуголыми посреди всех остальных?

– Я видела химеру! Она сидела, слушала нас, а потом – пуф! Исчезла! Она должна быть где-то рядом!

– Ты уверена?

Все еще грязный Менг бросился на кухню и опрокинул оставшиеся тарелки, мебель и засохший бекон сачком для ловли бабочек.

Менина была шокирована, она прижалась к стене.

– Как она выглядела? – прорычал генерал.

– Зеленоватое, очень худое создание, – ответила Брисеида, которая последовала за ним вместе с остальными. – Оно было в каком-то коричневом мхе, а на голове рос какой-то гриб!

Внезапно Менина вновь обрела мужество и между каждым паническим вздохом выкрикивала фразы:

– НО ОН ЖЕ ШШШ! НЕХОРОШО, ШШШ, ЖЕЛТЫЙ!
ЧТО-ТО НЕ ТАК? ШШШ! МОЯ ПРЕКРАСНАЯ ШШШ!
Кухня!

– Не волнуйтесь, вам все возместят, – сказал Энндал, пытаясь успокоить ее.

– Что ты делала незадолго до ее появления?

– Я... я не знаю...

– Она сказала, что жизнь удивительна, – ответил за нее Леонель.

– Жизнь удивительна! – решительно сказал Менг, оставаясь таким же воинственным, сканируя каждый уголок кухни.

– Она ушла, мы бы уже нашли ее, – заметил Оанко между двумя возгласами Менины, которая находилась на грани обморока.

Он указал на разбитую посуду одним из грязных ловцов идей: осталось не так много стопок тарелок, за которыми можно было спрятаться.

– ...ЭТО НЕ ПОТОМУ, ЧТО ШШШШ! У ТЕБЯ КОЖНАЯ БОЛЕЗНЬ ШШШ! ЧТО ТЫ ДОЛЖЕН ВСЕ УНИЧТОЖИТЬ! РАЗРУШАТЬ ВСЕ В ЧУЖИХ ДОМАХ!

– Он не болен, у него дома все такие, – объяснил Эней, полный добрых намерений.

– ШШШШ!

– Я попрошу одного из моих оруженосцев хорошо заплатить вам.

– Она не могла испариться, продолжайте искать!

– Вы ее не найдете. Существа Ольхового короля не позволяют подходить к себе дважды.

Все повернулись, чтобы посмотреть на странного стройного мужчину с ярко выраженным прищуром, который появился в дверном проеме. Он был одет в красный бархатный дублет с пышными рукавами, расшитыми замысловатой позолотой, поверх плотного трико, переходящего в невероятно острые кожаные сапоги.

– Давай! ШШШ! Ха! Существо Мрачного короля, ШШШ! У меня дома! – воскликнула Менина, грозно закатив глаза и встряхивая чайным полотенцем, словно отгоняя дурные мысли, одновременно успокоенная присутствием знакомого мужчины и встревоженная его словами. – Только это нам и не хватало! ШШШ! И каким вы хотите его видеть? Лепреккон? ШШШ! Лесной гном?

– Банник, я бы сказал. Только они могут наслаждаться столь темной водой.

– Теобальд! ШШ! Не богохульствуй здесь! ШШ! Иди и рассказывай свои глупости легковерным в зале, иначе привлечешь дьявола на мою кухню!

Теобальд с кошачьей легкостью подошел к лохани и погрузил в нее пальцы, унизанные тяжелыми перстнями с камнями.

– Очевидно, он уже бывал здесь раньше. Миледи с рыжими волосами, вы выглядите прекрасно. Вы наверняка чувствуете присутствие дьявола? Мы, чувствительные души,

ощущаем подобное. Здесь, возле сердца, – сказал он, положив ладонь на грудь и закрыв глаза.

Он молча кивнул сам себе, затем подошел к Лиз и с сочувственным видом положил руку на ее солнечное сплетение.

– Вы чувствуете? Понимаю, что страшно, но вы не должны бояться. Я умею отгонять духов. Посмотрите.

Он дунул в свободную руку, свел пальцы вместе, как будто вынимая шип из тыльной стороны другой руки, резко дернул и разжал десять пальцев, пыхтя, как бык.

– Готово. Дьявол больше не побеспокоит вас.

– ШШ! Теобальд, не заставляй меня повторять!

– Конечно, нет, госпожа Менина!

– Госпожа Менина, – рискнул Энндал, – боюсь, нам придется снова воспользоваться вашими услугами, чтобы привести себя в порядок...

– Ну, что? Хотите, чтобы я показала вам дорогу? ШШ! Банника найти несложно, он единственный, кто остался в этой жалкой кухне!

– Ах, мадемуазель, идемте, нам нужно поговорить, – продолжал Теобальд, подходя к Брисеиде. – В данном случае необходимо подстраховаться.

Он взял из рук Уливе большую испачканную рубашку, энергично натянул ее через голову девушки и поднял рукава, чтобы она могла просунуть в нее руки.

– Кто такие банники? – спросила она, очарованная злоеющей усмешкой, которая появилась на его небритом лице.

Позади Лиз корчила ему смешные рожицы.

– Существа, которые никогда не заходят так далеко на юг.

Но Ольховый король могущественен, он, должно быть, призывал их. Он подвластен дьяволу.

– ТЕОБАЛЬД!

– Хорошо, хорошо, в большом зале, мы уже летим туда, мы уже там.

– Отойдите, отойдите, на даму только что напал банник. Ей нужен воздух и чай с розмарином и шалфеем, чтобы отпугнуть духов. Уливе, принеси ей что-нибудь поесть. Ты едва спаслась, Ольховый король не шутит со своей добычей. Вот представь, если бы ты держала в руках зеркало! Ты перестала бы быть одной из нас. Однажды я спас бедную женщину от ужасной участи. Я почувствовал, что существо приближается к моему сердцу, и паф! Я начал действовать. С помощью кинжала, вымоченного три ночи полнолуния в святой воде, и тремя зернами пшеницы, попавшими в вечернюю росу. Все, что мне было нужно, – это несколько точных движений, вот так, очень просто. С твоим маленьким другом было не так уж и сложно. Я попал ему по заднице. Они ненавидят

это. Не хочу хвастаться, но у меня есть к подобному некоторый талант.

– Попадать по заднице? Без сомнения! – рассмеялся мужчина, сжимая в руках кружку с пивом.

– Кто ты? – настороженно спросила Лиз у Теобальда, устраиваясь напротив Брисеиды. Теобальд одарил ее дьявольской улыбкой:

– Я не дьявол, но я гораздо хитрее тебя.

– Что за Ольховый король? – спросила Брисеида.

– Брисеида, ты серьезно? Снова позволишь себя обдурить? – перебил девушку Леонель, натягивая ужасно короткую рубашку.

– Вы прекрасно выглядите, дорогой, – заметил Теобальд.

– Ты, иди, задури голову кому-нибудь другому своим воображаемым королем.

Некоторые из мужчин затаили дыхание, а затем, видя, что Теобальд спокойно воспринимает происходящее, разразились смехом.

– Чтобы знать о Мрачном короле, необязательно быть таким же сумасшедшим, как Теобальд, – сказал один из них, поправляя свой пиджак из тонкого пурпурного бархата.

Одной рукой он поглаживал свою чашку, такую же, как у Теобальда и многих сидящих здесь мужчин, молчаливых и желающих посплетничать.

– И не верить в его существование, – добавил другой. – Просто посмотрите на то, что происходит сейчас. Весь этот

регион осажден злыми духами, находящимися на службе у Мрачного короля. Если даже сенешаль Каркасона готов организовать турниры...

– Что за турниры?

– На него съезжаются рыцари со всего королевства. Это лучший способ вовлечь их в охоту на вуивра⁴.

– На вуивра?

– Вы никогда не слышали о женщине-драконе с двумя ногами и крыльями летучей мыши? Что ж, вам повезло... Говорят, что только рубином, который служит третьим глазом, если его украсть, можно уничтожить Мрачного короля и заставить его приспешников бежать.

Брисеида обменялась взглядом с Леонелем: местные легенды не заставили себя долго ждать.

– Каждый может рассказать вам, как уничтожить Ольхового короля, но никто не расскажет о нем так, как я, – прошептал Теобальд поверх плеча Брисеиды. – Видите ли, причина, по которой я так много знаю о короле, заключается в том, что когда-то я пал одной из его жертв. Но я сбежал от него прежде, чем он успел высосать мою душу.

– Опять он за свое! – засмеялся человек в бархате.

Теобальд схватил Брисеиду за рубашку и заглянул ей в глаза:

– Я путешествовал со своим отцом. Я был так мал, что у меня еще не было настоящих зубов. Он рассказывал мне

⁴ Вуивр – во французской мифологии король или королева змей.

истории, а я прижимался к нему, потому что мог слышать звуки в лесной листве, которые он не замечал, потому что был так поглощен своими успехами. Ветви деревьев стягивали мой живот, ледяное дыхание ночи будоражило мои ноздри, листья, падающие мне на волосы, как стая птиц, умоляли меня бежать, чик-чирик... – Он запустил пальцы в волосы Брисеиды. – Я хотел предупредить отца, но было слишком поздно. – Он хлопнул в ладоши. – Там был Ольховый король. Мой отец не смог спасти меня. Меня отвели в проклятый замок, чтобы я отдал свою душу могиле его несчастной госпожи.

– Могиле?

– Его госпожа совершила ошибку, отдав ему свое сердце. Было время, когда Ольховый король слыл красивым, храбрым и доблестным рыцарем. Но его дикая натура всегда вела его на край света. Он забыл о своей красавице, чьи мечты о любви были разрушены, а тело и душа испарились в тумане теней. Рыцарь, вернувшись из Крестового похода, обнаружил последствия своей глупости и решил, что скоро умрет от горя. Но человек не умирает от глупости. Он просто устремляется в пропасть. Так и случилось. С тех пор он тщетно пытается украсить алтарь своей госпожи детскими душами, чтобы вернуть свою мечту, утраченную навсегда.

– И ты все еще там, в его призрачном замке? – оборонительно спросил Леонель.

Теобальд проигнорировал его.

– Ольховый король скользит сквозь пространство, не ведая ни надежды, ни времени. В его проклятых глазах, белых, как две соленые слезы, не отражается ничего, кроме падения Главнейшего. В то время как я, уже в том возрасте, сиял красками стремления. Вот как я от него сбежал.

– Падение кого?

Теобальд достал из кармана красный шнурок, обернутый вокруг своего рода железного йойо. С необычайной ловкостью он развязал узел и медленно опустил овальный предмет по шнуру, провозгласив при этом таинственным голосом:

– На протяжении четырех тысяч лет он падал в бездну. Он тонул в тенях и тумане, испуганный, Один, а за ним, в вечной ночи, Медленно опускались перья его крыльев.

– Главнейший из падших ангелов, Сатана, – прошептал один из мужчин, а остальные согласно закивали.

– Падение Ольхового короля – ничто по сравнению с падением дьявола. Я все еще думаю, что каждое падение причиняет боль.

Брисеида изучала Теобальда, не зная, за кем из собеседников наблюдать.

– Не стоит устраивать такие разговоры, – пробормотал Уливе, кивая. – Если бы твой отец услышал, что ты такое говоришь, он не был бы доволен.

– Надо называть вещи своими именами, – возразил Теобальд, снова усаживаясь на стул. – И история должна быть рассказана, чтобы рыцари приходили спасать благородных

людей. Разве это не так, мессир д'Имбер из Арагона, служитель Ордена Дракона?

Прислонившись к стойке, Энндал, одетый в серую рубашку до колен, уклончиво ответил «да».

– Пойдете ли вы охотиться на вуивра после турниров? – нетерпеливо спросил человек в бархате.

– Он только этого и ждет! – воскликнул Теобальд.

– Вы же тот рыцарь, которого его милость ждет уже два дня, – продолжал Уливе, словно его осенило откровение.

– Несомненно, так и есть, – торжественно согласился Теобальд.

– Но почему вы не сказали об этом раньше? – воскликнул Уливе, недоумевая.

– Он ждал моего отца, – ответил Теобальд, подойдя к Энндалу и по-братски положив руку ему на плечо. – Настоящий рыцарь не станет размениваться на мелкие дела, он перепоручает их лейтенанту сенешаля.

Сильный сквозняк ворвался внутрь, когда дверь в трактир открылась. Мужчина с подстриженной челкой благородным шагом вошел в комнату, а в это время жаждущий ответов пьяница обратился к Энндалу:

– Значит, это правда? Только рубин вуивра дарует рыцарю силу, чтобы сразить Мрачного короля? И помогает отогнать злых духов, которые кишат в этом регионе?

– Отец! Наш человек наконец-то прибыл! – воскликнул Теобальд, сияя. – Я сразу узнал его. Он товарищ по оружию

дяди нашего двоюродного брата. Мессир д'Имбер, рыцарь Ордена Дракона, собственной персоной.

Проходя мимо Брисеиды, он прошептал на ухо Энндалю:

– Настоящий рыцарь уже мертв, поверь мне, – а затем побежал к отцу, чтобы помочь ему сбросить плащ и тяжелый меч.

– Его светлость, мой отец, очень хотел встретить вас на пути в Каркасону, чтобы поприветствовать и помочь освоиться перед турнирами, – добавил он громко. – Какой рыцарь откажется от такой ценной помощи, когда все рвутся к городским воротам?

Господин настороженно осмотрел наряд Энндала, прежде чем сказать:

– Мессир д'Имбер, для меня большая честь познакомиться с вами. – Он бросил свои вещи в руки сына и подошел к нему:

– Бодуэн Эбрар, лейтенант Каркасона. Прошу простить холодность моего приветствия. Дело в том, что Теобальд до сегодняшнего вечера не мог вспомнить ваше имя. Я уже два дня жду тень, не зная, не появилась ли она из переполненного воображения моего глупого сына.

– Но мы прекрасно провели время в том трактире, – заключил Теобальд, счастливо вздохнув.

Уливе громко фыркнул, отступив за стойку. Взгляд Энндала переходил с одного на другого:

– Просто... Я не уверен, что...

– Отец! Негоже принимать такого неопрятного гостя, как вы! Только подумайте! Мессир д’Имбер со своей стороны без колебаний погрузился в старую лохань Менины, наполненную овощным бульоном, чтобы поприветствовать вас, набальзамированный овощным бульоном. Не окажете ли вы ему честь в свою очередь?

– Прошу прощения, мессир д’Имбер, – признал господин, все еще раздраженный оскорблением сына. – Позвольте мне отвлечься на несколько минут, чтобы освежиться, я только что вернулся из долгой поездки.

Не успел Эндал пропустить господина, как Теобальд взял его за руку и заставил сесть за стол рядом с Брисеидой, отгоняя любопытных торопливыми жестами.

– Почему вы ждали этого товарища по оружию, если знали, что он...

– Смерть не приносит ничего, но надежда – многое, – сказал сын лейтенанта. – Особенно поездки на природу. Мне очень нравятся выездные прогулки. Я не собирался лишать себя этого только потому, что товарищ по оружию дяди нашего двоюродного брата решил умереть! У меня было предчувствие, что рыцарь в конце концов появится. Так бывает в сказках, не так ли? А потом вы, кажется, потеряли по дороге пару своих кошельков. Я не люблю оставлять души на произвол судьбы. Я работаю для благого дела, как монахи-экзорцисты.

– Вот увидите, вас прекрасно разместят у монахов, –

очень серьезным тоном заявил светловолосый бородатый мужчина, смело подходя к их столику с другом, несмотря на косой и убийственный взгляд Теобальда. – Это дом монахов, в епископском дворце, в котором они останутся, да, Теобальд? Очень близко к каркасонскому собору. Там вы будете чувствовать себя комфортно и останетесь под надежной защитой. Дьявол не смеет заходить в такие священные места.

– Будет видно, – сказал Теобальд, словно взвешивая все за и против. Затем его лицо просветлело:

– Подождите, пока вы не увидите лица монахов и священников. Тогда у вас не останется сомнений в существовании зла. Они так ищут его, что видят его повсюду, и дьявол столь сильно выражен в их глазах, что можно подумать, что он живет в них! Ха! Ха!

– Они выполняют свою работу...

– Не нужно искать вуйвра! В его глазах – Сатана! Но все равно сходите за ним, а мы посмеемся.

– Мы хотели сказать вам, – неловко произнес бородач, стараясь не обращать внимания на Теобальда, – что мы действительно благодарны. Эти истории настолько широко распространились в регионе, что мы некоторое время думали, будто ни один рыцарь не приедет. В наше время много смелых, но мало безрассудных.

– По правде говоря, я их понимаю, – сказал другой мужчина. – Этот век проклят. Не успели мы избавиться от англичан, как Ольховый король возвращается...

– Какие истории распространились в регионе?

– Те, которые вы только что слышали, – ответил Теобальд, прервав бородача. – Принц стал королем после того, как трусливо забыл о любви. И поскольку он теперь король, пусть даже маленький король подземного мира, пусть даже король фей и тараканов, все, раз он плачет, должны плакать вместе с ним. Наше время проклято, это правда, потому что люди слишком много грешат. Все верно.

Он рассмеялся.

Бодуэн вернулся в чистом зеленом дублете, более сдержанный, чем его сын. От него все еще пахло лошадьё. Он заказал для всех по кубку пива и сел рядом с Энндалом.

– Мессир д’Имбер, – сказал он, поднимая кубок, – я был бы очень рад послушать, что вы расскажете о себе. От кого вы узнали о нашей ситуации в Каркасоне? От Морина де Монбазен? От Гальхарда де Бесалу? Я знаю, что он проводит много времени с мессиром де Монбазеном.

Энндал, напрягшись, неловко погладил стол ладонью, чтобы выглядеть более расслабленным.

– По правде говоря, я ничего не знаю о вашей ситуации,

кроме того, что будет турнир.

– Значит, вы не собираетесь охотиться на вуивра? – разочарованно сказал Бодуэн.

– Нет, но только, если мой меч будет полезен. Но мне понадобится немного больше информации.

– Конечно. Злые духи притаились здесь уже давно. Но в последнее время кое-что происходит. Возможно, вы знаете, что король Франции, наш любимый сир, в этом году выбрал Каркасон, для проведения ежегодных встреч штатов Лангедока, для сбора налогов и приема петиций. В течение месяца город был переполнен: уполномоченные короля, дворяне всех сенешалей Лангедока, советники всех этих людей, с секретарями, камердинерами и оруженосцами. Также присутствовали, конечно же, купцы, представлявшие интересы всего государства, и церковнослужители из всех епархий. В городе почти в два раза больше народу, чем обычно, и необходимо найти еду для всех этих людей. В обычных условиях это было бы достаточно сложно, но мы только что вышли из затяжного голода, да еще и с проделками злых духов...

Четыре недели назад несколько молодых людей, которым надоело видеть, как исчезают их животные, а их жены и дети умирают от страха, отправились на охоту к близлежащему озеру, так как ходили слухи, что там происходит что-то особенно странное. Они исчезли на пять дней. В путь отправился поисковый отряд, и их нашли. Пять трупов, силь-

но избитых. Следы на телах не оставляли сомнений: такое мог сделать только вуивр. Простые умы были воспалены, мы думали, что в наших руках ключ к освобождению страны. Мой сын рассказал вам легенду об Ольховом короле? Повсеместно крестьяне отправлялись убивать вуивра и добывать его камень, чтобы отпугнуть Мрачного короля и злых духов. Они ушли с вилами и косами... Как будто с помощью косы можно убить вуивра! Многие убежали, чтобы их не убили. Затем сеньоры окрестных земель пришли жаловаться сенешалю от имени своих крестьян. Люди были заморожены этой историей. Щитоносцы, купцы и даже конюхи охотились на вуивра. Сенешаль пытался отговорить их, но он не мог сдержать целый город... Началась настоящая резня. К счастью, озеро трудно найти. Возможно, именно поэтому вуивр поселился там. После первой волны нападений осталось всего несколько крестьян, которые могли служить проводниками. Чтобы взять ситуацию под контроль, сенешаль заключил их в тюрьму. Затем он послал группы организованных солдат, чтобы те убили вуивра. Я сам отправился туда во главе церковной гвардии. Но вуивр умен: он нападает только на одиноких безоружных путников. Мы вернулись с пустыми руками. Что касается рыцарей Каркасона, у которых хватило мужества встретиться с ним в одиночку... Они не вернулись.

Ольховый король, с другой стороны, похоже, возмущен всеми этими нападениями: демонические явления множатся в городе. Жители и гости Каркасона находятся в напряже-

нии. Встреча штатов еще далека от завершения, но эмиссары королевства грозятся вернуться домой. Архиепископ Тулузы, который председательствовал на встрече в этом году, был в ярости. Такая ситуация не может больше продолжаться. Вот почему сенешаль организовал эти турниры, чтобы собрать лучших рыцарей с Запада. Гонцы уехали две недели назад, и первые рыцари должны прибыть в ближайшее время. Не знаю, известно ли вам об этом, но награды, которые можно получить, привлекают воинов-оруженосцев далеко за пределами королевства.

– Мой отец слишком скромн, – вмешался Теобальд, – он забыл сказать, что его имя никогда не оставит равнодушным рыцарский мир. Турнир, организованный великим Бодуэном Эбраром, обладателем стольких престижных наград в свое время, – это не просто турнир!

– Спасибо, Теобальд, – сказал Бодуэн. – Праздничные гуляния продлятся шесть дней. Чтобы избежать резни и не навлечь на себя гнев Мрачного короля, только рыцари знатных родов, зарегистрировавшиеся для участия в турнирах, будут доставлены на озеро. Если того пожелают.

– Думаете, они не захотят?

– Сенешаль не теряет надежды: при всем уважении, великие рыцари – люди гордые. Мы рассчитываем на то, что их это поможет им принять решение, когда они окажутся там, перед всем двором Лангедока и перед обездоленным народом.

– С каким демоническим проявлением вы имеете дело? – По телу лейтенанта пробежал холодок.

– Рассказ занял бы слишком много времени. Вы все сами увидите завтра. В городе этот эффект особенно заметен. Стать освободителем земли Лангедока, это ведь должно доставить вам удовольствие, верно? Теобальд рассказал мне о некоторых ваших подвигах, но он не упомянул, что вы были членом Ордена Дракона. Я много слышал об этом ордене, но никогда не встречал ни одного из его рыцарей. За исключением, пожалуй, одного из них, давным-давно, на турнире в Каркасоне...

– Несомненно, это был мой отец, Аюль д'Имбер. Он был единственным, кто учувствовал.

– Аюль д'Имбер... Да, возможно, раз уж вы об этом заговорили... Вы позволите мне увидеть вашу эмблему?

– Вам придется попросить об этом госпожу Менину. Я оставил ее в качестве залога, пока не прибудет мой оруженосец. Он оплатит ремонт и наше пребывание.

– Как? Но об этом не может быть и речи! Уливе! Приведи сюда свою жену!

– Как вы можете расстаться с такой эмблемой? – снова воскликнул Бодуэн, поглаживая красный крест и серебряный лист на спине золотого дракона, после того как сказал Менине, что сам оплатит счет.

– Я намеревался вернуть его. Завтра я пошлю гонца в свой замок, чтобы он сообщил моим людям. Надеюсь, он еще дол-

го простоит! Большую часть времени я провожу в дороге на юг. В землях Арагона, а также в королевстве Кастилия, в Священной Римской империи и в Османской империи.

– Ваши люди, возможно, заслуживают вашего доверия, но Менина – точно нет. Вы удивительно уверены в себе.

– Он добрый человек! – крикнул Теобальд, прежде чем отец взглядом заставил его замолчать.

– Человек веры прежде всего, – дипломатично ответил Энндал. – Бог милостив, справедлив и миролюбив. Мне нужно лишь следовать его воле, чтобы обеспечить свою безопасность.

– Естественно... А этот красный крест?

– Святой Георгий символизирует победу Христа над силами зла, представленными здесь зверем Апокалипсиса. Я посвятил свою жизнь этой борьбе.

– Вся ваша жизнь посвящена победе Христа? Ни жены, ни детей?

– Мой отец привил мне высокие ценности.

– Как любой добрый христианин. Но вся жизнь... Дети – источник счастья мужчины. – Он взглянул на Теобальда, который блаженно улыбался. – Ваш отец, должно быть, хороший учитель.

– Был. Его смерть послужила мне уроком. Он возвращался с турнира в Каркасоне со своим самым верным оруженосцем. Мне тогда не было восемнадцати, но я навсегда запомнил рассказ оруженосца о том, как после нескольких недель

скитаний он, наконец, рухнул у ворот родового замка. На моего отца напал зверь в горах. На глазах оруженосца его растерзали на куски, после чего зверь убежал.

– Вуивр? – серьезно спросила Брисеида.

– Нельзя быть уверенным. Когда оруженосец приехал, он был не в своем уме. Но то, что это зверь из тени, факт. Набожная душа моего отца, сила его обязательств, должно быть, приманили его.

Он, в свою очередь, погладил красный крест Христа на драконе.

– Мое посвящение в рыцари должно было состояться только через два года. Я умолял своего дядю, Альберика д'Имбера, перенести дату. Он посвятил меня в рыцари, и я уехал через месяц.

– Охотиться на зверя?

– Я никогда не приближался к Каркасону. Я отправился к источнику зла, к диким империям.

– А вы познакомились с Моринем во время ваших путешествий?

– Морин?

– Мессир де Монбазен, ваш боевой товарищ.

– Точно.

– Похоже, Теобальд был прав... Кажется, вы подходите для этого дела. – Он с подозрением посмотрел на Менга, Оанко и Лиз: – Полагаю, вам уже приходилось убивать создание дьявола за все то время, что вы этим занимаетесь?

Брисеида и ее спутники затаили дыхание. Рыцарь медленно погладил грубое дерево стола.

– Нельзя убить создания дьявола. Только охота – не более. И если вы спросите меня, видел ли я когда-нибудь подобное, чувствовал ли я зло своим мечом, то да. Но зло всегда принимает неожиданный образ. Его очертания размыты, и на следующий день вы не можете быть уверены в том, что пережили. Зло прежде всего проникает в разум.

Лейтенант кивнул:

– Так сказали бы монахи из Каркасона.

– Кто является преемником мессира Астье де Фонтаньяка?

– О, мессир де Фонтаньяк все еще жив и все еще сенешаль. Он правит Каркасоном железной рукой. Карл VII, наш добрый король, очень доволен им. Быть его преемником нелегко. Вот почему я пытаюсь действовать на опережение. Если вы хотите встретиться с сенешалем, пожалуйста, дайте мне знать. Моя жена – его дочь, она организует для вас встречу.

– Я уверен, что у него слишком много дел. Я просто отправлюсь на охоту на вуивра.

– Хорошая мысль! Но сначала – заслуженный отдых. Вам показали вашу комнату?

– Как я понимаю, мы идем в амбар, помещение уже переполнено.

– Как?

– Это правда, господин, здесь не осталось ни одной кровати! – фыркнула Менина, которая все это время находилась за стойкой.

– И разве у вас нет кровати? Идите сами в конюшню, если осмелились предложить ее рыцарю Ордена Дракона!

– Просто дети уже в постели...

– Я сам вытащу их из постели, если услышу еще хоть один твой свинячий визг!

4. Природа дьявола

– Значит, жизнь кажется лучше, когда принимаешь ванную вместе с Леонелем?

– Что?

– Я все слышу, – сказал Леонель, подойдя сзади.

Лиз рассмеялась и повернулась, чтобы загородить Энндальду вход в комнату.

– А ты, значит, всю жизнь охотишься на химер и никогда не рассказывал нам об этом?

– Тише, тише! – сказал Менг, подталкивая их внутрь и закрывая за ними дверь. – Стены здесь не кажутся очень толстыми.

– После шума, который ты устроил на кухне, хочешь, что-

бы нас никто не слышал?

– Нам нужно приспособливаться! – прошипел он.

– Я не говорил, что провожу свою жизнь в погоне за химерами, – сказал Энндал. – Я говорил, что посвящаю свою жизнь победе Христа над злом.

– Но это одно и то же!

– Как хочешь...

– Как хочешь? Против чего был направлен твой меч на протяжении двадцати лет?

– Каждый случай разный...

– Ты хоть что-то знаешь?

– В этой комнате только одна кровать, – сказал Леонель, проверяя большой матрас, набитый соломой и перьями.

– Слушайте, иногда это ведьма, которая терроризирует деревню, иногда дух, иногда шарлатан. Для меня не имеет значения, какова их физическая природа, все они – плоды дьявола, который хочет лишь разрушить надежду, которую дает нам Всемогущий Отец.

– Значит, здесь преобладает именно эта легенда? – сказала Лиз. – История о боге и дьяволе?

– Всемогущий Отец – не химера, – проговорил Энндал.

– И дьявол, полагаю, тоже? Однако все монстры, с которыми ты сражаешься уже более двадцати лет, находятся на его службе. Так что же, дьявол и Цитадель – это одно и то же?

Энндал молчал.

– Нет, нет, это не одно и то же, – сказал он наконец.

– Точно? Вспомни уверенность, от которой Менгу пришлось избавиться дома. Не понимаю, почему сейчас все должно быть иначе.

– Оставь его в покое с его богом и дьяволом, Лиз, – сказал Леонель. – Здесь ходят легенды об Ольховом короле и вувире. Но меня больше интересует Орден Дракона и твои двадцатилетние поиски, Энндал.

– Я последовал совету старика. Я сказал вам немного, но я не лгал вам, – прошептал Энндал. – Я всегда был честен с вами.

– Разумеется, – решительно заключил Менг, принимая его сторону. – Искренность – самая важная из пяти великих добродетелей. Я не потерплю, чтобы мной руководил человек, которому чуждо это качество.

Энндал лишь сдержанно кивнул и отстраненно добавил:

– Если вы не слышали какую-то информацию, то скорее всего потому, что вы не были готовы ее услышать.

– Звучит как-то слишком просто, тебе не кажется?

– Леонель, мы уже наслушались тебя, – повысил голос Менг.

– А этот Бодуэн Эбрар, – спросила Лиз, – ты никогда о нем не слышал? Как думаешь, правду ли сказал Теобальд. Он действительно выиграл все эти награды?

– Его имя мне известно. У него действительно репутация хорошего соперника.

В дверь постучали. Менг широко раскрыл ее.

– Для ваших вещей и сумок, как вы и просили, – ворчала Менина, протягивая ему ведро с серой водой.

Она с завистью посмотрела на свою кровать.

– Здесь только одна кровать, – заметил Менг, поймав ее взгляд.

– И что? Мы впятером укладываемся здесь каждый вечер, так что вам придется немного потесниться!

– Я не уверен, что мне нравится весь этот фарс, поскольку я не знаю, кто его дядя, – признался Энндал, пока они отмывали свои личные вещи. – Кто-то узнает об этом, особенно если все рыцарство в регионе отправится на турниры. Нас обвинят в том, что мы воспользовались слабостью Теобальда.

Леонель усмехнулся:

– Его слабостью? Мне показалось, что он очень хорошо знает, что делает. У этого парня извращенный ум – это факт, но я не думаю, что он слаб.

– Как вы думаете, он архетип? – спросил Оанко, высыпая содержимое своей сумки на пол.

Сначала он пытался вытащить только испачканные травы

и утварь, но все так перемешалось в его большой кожаной сумке, что он в конце концов сдался.

– Его рассказ об Ольховом короле, который заточает юные души в своем замке, как это делает Цитадель со своими студентами...

– Это определенно местная версия истории Цитадели, – согласился Менг. – Мы постараемся узнать больше. Неужели ты никогда не слышал ее, Энндал?

– Легенды очень локализованы в моем времени. Я уже говорил, что никогда раньше не бывал в Каркасоне.

– Не кажется ли вам странным, что первый человек, который подходит к нам, рассказывает ту самую историю, которая могла бы нас заинтересовать? Что, если Теобальд – часть Элиты? В конце концов, он сам рассказал нам, что его похитил Ольховый король. Как это делает Цитадель.

– Какой смысл разоблачать себя, если он действительно является частью Элиты? – спросил Оанко.

– Какой смысл заставлять Энндала изображать из себя боевого товарища? Он сам выбирает, где нас разместят, сопровождает нас в пути и присматривает за нами, пока мы ждем приказов из Цитадели. Нужно ли напоминать вам, что первое, что сделала Элита, когда мы прибыли в Китай, – это придумала историю и дала нам роли, которые мы должны были играть вместе с принцессами? Я думаю, что действия Теобальда очень похожи.

– В Поднебесной нам понадобилось достать песочные ча-

сы из сумки Брисеиды, чтобы канцлер Ли понял, что мы являемся частью сопротивления, – проговорил Энндал. – Причина, по которой канцлер так быстро придумал эту историю о принцессах, заключается в том, что он в любом случае планировал избавиться от Менга, за которым он следил в течение многих лет. Я никогда не видел этого Теобальда, и я никогда не ступал ни в этот трактир, ни в Каркасон.

– Теобальд увидел, что мы прибыли с ловцами идей.

– Обычные посадочные сети. В сельской местности моей эпохи их очень много.

– А у тебя среди знакомых полно мужчин с красной кожей или раскосыми глазами?

– В нашей стране есть свои... странные фигуры. Послушайте, мы прибыли менее двух часов назад, посреди ночи. Элита не могла найти нас так быстро.

– Так что если Теобальд является архетипом, то он мог прийти сюда, потому что почувствовал присутствие лестницы, – заметила Брисеида. – Как отшельник в Китае, живущий возле лестницы. Фу Цзи рассказал нам, что архетипы притягивают все, что угодно, из Мира Снов, включая борцов сопротивления. Логично, что он пришел поговорить с нами.

– И что он очарован местными легендами, – добавил Эней. – Бай рисует Мир Снов с помощью *ци*, а Теобальд рассказывает свои истории.

– В таком случае не стоит слишком часто видеться с ним в его присутствии, – сказала Брисеида. – Элита следит за ар-

хетипами именно для того, чтобы вовремя получить сигнал о прибытии бойцов сопротивления.

– Моего брата и этого Теобальда объединяет то, что они большие болтуны, – размышлял Менга.

Лиз закатала рукава рубашки и скорчила гримасу, погружая свою складную раму в холодную воду.

– И Теобальд разделяет его пристрастие к экстравагантности в одежде. Канцлер Ли не был таким примечательным.

– Канцлер Ли не вел себя как король Агис в Греции, – заметил Леонель. – Нельзя делать выводы из поведения Элиты другой эпохи.

– Энндал, как ты думаешь, почему мы прибыли сюда, если ты никогда не был в Каркалоне? Может, из-за твоего отца?

Энндал пожал плечами. Он понятия не имел.

Брисеида протерла песочные часы тряпочкой. Время уже запущено. Медленно, но песка оставалось так мало, что она не могла точно сказать, сколько дней у них осталось. Около десяти, может, чуть больше, если повезет.

– Время на исходе, – напомнил Менг. – Элита находится среди лидеров, и этот лейтенант предлагает провести нас прямо к ним. Мы не можем позволить себе отказаться от его помощи. Я понимаю твое нежелание лгать, Энндал. Но это лишь полуправда, поскольку ты рыцарь и намерен освободить Каркасон от демонов.

– Я бы хотела посмотреть, чем занимаются те монахи, о которых нам рассказывал Теобальд, – сказала Лиз.

Леонель принял торжественный вид и сказал:

– *Он тонул в тени и тумане, испуганный, медленно опускались перья его крыльев.* Я уверен, что уже где-то это слышал. Глупость, правда? Просто ощущение дежавю.

Энндал осторожно провел между сжатыми пальцами белым пером, которое, как он думал, принадлежало херувиму.

– Каркасон – не самый большой город в королевстве, но поскольку в нем находится резиденция штатов Лангедока, это повышает риск столкнуться с Альфой. Там будут важные церковники, бароны, графы, лорды со всей страны... Придется проявить повышенную бдительность.

Камин в маленькой комнате погасили. Сквозь узкое приоткрытое окно просачивался неприятный сквозняк. На путниках были только старые заплатанные рубашки, и они окунали руки в ледяную воду.

Они втиснулись на кровать, столь же широкую, сколь и длинную, плечом к плечу: Лиз, Леонель, Эней и Брисеида с одной стороны, скрестив ноги, Оанко, Менг и Энндал – с другой. У них было достаточно места, чтобы сидеть, слегка откинувшись. К счастью, на этот раз были настоящие подушки.

Брисеида достала несколько листов пергамента, чудом оставшихся сухими, сунула их в блокнот и свой оранжевый кулон в подкладку сумки. Из-за разницы во времени можно было и не спать. Но разница в столетие... 1450 год. Это был 1450 год. Перспектива целой новой эпохи, скрытой во

мраке ночи, по ту сторону стены, целого нового мира, который можно открыть для себя, в эпоху рыцарей, драконов, ведьм... Слишком мощно, чтобы уснуть. Она предложила своим спутникам второй урок живописи, чтобы запастись терпением.

Эней поставил единственную свечу в маленькое железное блюдо между своими ногами в центре кровати.

– Это просто, но не совсем, – попробовала объяснить Брисеида. – Вы должны сосредоточиться на движении рисунка, на жизни, которую вы в него вдыхаете. Вы должны верить, что движение уже существует, что оно течет через вас. Бумага существует только для того, чтобы почти случайно сохранить след эфемерной жизни, след вдохновения. Нет, Леонель, кисть держи перпендикулярно бумаге, между небом и землей, запястье расслаблено, готово подстроиться под движение.

– Я не понимаю, ты рисовала, когда видела дракона, а потом еще существо, которое было в ванной. Поэтому не рисование позволит нам увидеть химер.

Лиз толкнула Леонеля локтем:

– Не умничай, а держи свою кисть.

– Это большой труд, поэтому вы можете по-настоящему поверить в него. Чем больше вы верите, тем больше вероятность того, что вы увидите их снова. Живопись помогает вам изменить свои убеждения.

– Вот! – Лиз развеселилась. – Эней, ты левша, я и не за-

метила!

– Думаешь?

– Ну да, смотри, ты держишь кисть левой рукой!

– И это плохо?

– Нет, ты просто художник, как и я.

– Но ты держишь кисть в правой руке...

– В душе я художник, это не одно и то же. Как думаете, как мы будем рисовать, если мы как сардины в банке?

– Почему сардины?

– Рыба. В банке. Тише, Эней, сосредоточься.

Энндал высунул язык, держась левой рукой за запястье.

Время от времени он беспокойно поглядывал на свитки других, проверяя их прогресс. Оанко уже заполнил обе стороны своего свитка. Он же осмелился нанести только три линии.

– Вам не нужно уметь рисовать, писать или даже держать в руках кисть, – проговорила Брисеида. – Вам нужно освободить свое сердце, а не руку.

Энндал положил кисть, чтобы вытереть руки о бедра. Он пошел дальше, чтобы не поднимать эту тему снова:

– Завтра, в дороге, попробуй разговорить Теобальда, Брисеида. Кажется, ты ему нравишься. Может быть, тебе удастся выудить из него больше информации. И, Лиз... Я думаю, нам будет проще, если ты прикроешь волосы. Рыжие не очень популярны в мое время.

– Да, я поняла... Они же не сожгут меня на костре?

– Нет... Но лучше не искушать дьявола.

На следующее утро одежда ждала их в прихожей. Семь куч, расположенных по порядку, от самой большой до самой маленькой. Брисеида взяла последнее, бежевое льняное платье, которое было немного великовато и, должно быть, принадлежало Менине, когда она была моложе. Рукава обтрепались, на юбке были дыры, но наконец-то она выглядела как женщина того времени. Лиз получила в наследство более дорогое, но такое же поношенное платье. Его выцветший синий бархат лучше подходил к круглой шляпке и вуали, которые Энндал отправился искать для нее ранее утром. Она была похожа на старую дворянку, потерявшую свою усадьбу. Она тут же придумала историю и назначила каждому роль, которую он должен был сыграть. Все они находились под защитой Энндала, который спас их от нападения разбойников на дорогах Арагона. Для нее не имело значения, что они путешествовали в компании лейтенанта из Каркасона, который видел их еще до того, как она приняла свою новую роль.

Брисеида мало спала, но чувствовала себя бодрой, как в первый день новой жизни. Она с удивлением наблюдала за каждой деталью, все ее чувства обострились. Солёный вкус овощного хлеба, острый запах холодного очага, визг свиней на улице, голоса людей и стук копыт лошадей. Грубая ткань ее платья на коже, свежий воздух ласкал ее лицо, когда она выходила из гостиницы. Почки деревьев, озаренные лучами восходящего солнца, несколько соломенных домиков, уеди-

ненно стоящих в сельской местности.

Она чувствовала себя готовой ко всему. Она уже дважды пересекла небеса, столкнулась с гневом военачальника и предательством коварного канцлера, сражалась с гарпиями, летела в лапах дракона. Ничто больше не могло ее напугать. Или почти...

– Ну что, барышня? Вы вдруг побледнели.

Лейтенант Каркасона передал ей поводья. Вожжи, соединенные с лошадью.

– Простите, – заикаясь, сказала она. – Просто... Я никогда не думала, что мне придется пройти через это снова.

– Пережить что?

Она указала на свою прекрасную и страшную лошадь и глупо улыбнулась:

– Ничего. Она прекрасна, спасибо.

– Поблагодарите своего благодетеля. Рыцарь д'Имбер настаивает, он хочет вернуть мне все, как только сможет привести своего оруженосца. А цены у старой дуры не дешевые. Она прекрасно знает, что лошади сейчас очень дороги, учитывая, что скоро встреча штатов. Старая мерзавка. Господи, прости меня, она все еще очень полезна для нас.

Теобальд быстро помог ей. Она вцепилась в гриву, ее сердце было полно воспоминаний о неудачном опыте верховой езды. Лошадь сделала шаг в сторону. Она замерла от испуга.

– Расслабься, прекрасная дева, в моей компании с тобой

ничего не случится, – заверил ее Теобальд, похлопывая по бедру. Его глаза были устремлены то на лошадь, то на грудь Брисеиды. – Я буду рядом.

Оанко, ехавший рядом на своей каштановой кобыле, понимающе подмигнул ей. Она бы устроила ему взбучку.

Они двигались по болотистой местности, окутанной утренним туманом и каплями росы.

– Что еще ты знаешь о порождениях зла? – наконец спросила Брисеида у Теобальда, который ехал рядом с ней.

– О чем ты?

– Прошлым вечером мне показалось, что ты много знаешь. Где ты услышал все свои истории? Ты когда-нибудь... видел кого-нибудь?

Теобальд широко улыбнулся:

– В смысле, кроме Ольхового короля? Я знаю, с чем столкнулся отец Энндалора на Черной горе. Оно.

– Оно?

– Вот как мы это называем. Оно. Наполненное страхом. Оно тлеет в черной горе, в Устах адовых, куда никто, даже мой отец, не осмеливается ступить.

– Ты видел его раньше?

– Нет, оно слишком страшное! – воскликнул Теобальд, а затем рассмеялся. У Брисеиды сложилось неприятное впечатление, что он насмехается над ней.

Он подвел свою лошадь так близко к ее лошади, что их колени соприкоснулись.

– Он негодяй, ваш рыцарь, – прошептал он ей на ухо. – Он ни секунды не колебался, выдавая себя за кого-то другого. На твоём месте я бы насторожился.

– Спасибо, я буду осторожна.

– Сердца темных личностей бьются так быстро. И все же именно сердце должно направлять пять чувств через повороты и изгибы физического мира. Зрение, слух, обоняние, осязание, вкус; призовите их к порядку, чтобы уберечь душу от смертного греха, чтобы она никогда не пострадала от падения!

Он приняхивался к ней при слове «обоняние», ласкал ее щеку, говоря «осязание», и поцеловал шею, шепча слово «вкус». Сидя на своем четвероногом дьяволе, окаменевшая Брисеида не могла ни оттолкнуть его с силой, ни резко от-

страниться... Они были впереди, скрытые от остальных изгибом тропы. Она молчала, сосредоточившись на дороге.

– Вот так, – настаивал Теобальд, – ты должна следовать за дирижером, там, в сундуке. Или тебя ждет долгое, нескончаа-а-а-аемое *падение!*

Лошадь Брисеиды нырнула вперед, чтобы украсть несколько пучков травы. Она потакала животному, надеясь дать Леонелю и Бодуэну достаточно времени, чтобы догнать их. Теобальд также остановился.

– Действительно ли Теобальд был похищен Ольховым королем, когда ехал с вами? – спросил Леонель у Бодуэна позади них.

Брисеида внимательно слушала.

– Не верьте всему, что говорит мой сын. Он получает огромное удовольствие, проверяя доверчивость людей.

– О, не беспокойтесь, я не поверил ему... Почему вы решили ждать рыцаря д'Имбера за городом? Разве он не мог найти дорогу сам?

– Безусловно. Но я должен был посетить окрестности: во всех деревнях в радиусе десяти лиг от Каркасона были расставлены епископские стражники, чтобы следить за тем, кто приезжает и уезжает, и я хотел проверить, все ли в порядке. В этом регионе по-прежнему очень активно работают живодеры.

– А вы верите в живодеров? – спросил Леонель, не решаясь спросить, что это за живодеры.

– В смысле, считаю ли я их опасными? Достаточно трех таких бывших солдат, жаждущих золота и крови, чтобы поставить под угрозу деревню, а их сотни. Говорят, что более трехсот из них собрались по приказу павшего владыки по имени Майель. Они хотели бы воспользоваться присутствием всех этих представителей штатов, чтобы объединиться с испанскими наемниками, которые обитают в Пиренейских горах, сформировать большую армию и напасть на Каркасон, взять в плен сеньоров и потребовать от короля выкуп. Они смогут это сделать. Злые духи не в моей власти, но если я смогу успокоить архиепископа насчет бандитов...

– Знаете, откуда я узнал, что мессир д'Имбер будет участвовать в турнирах? – хвастался Теобальд, схватив поводья лошади Брисейды, чтобы приблизить ее к своей, когда Бодуэн и Леонель поравнялись с ними. – Я отправился в путешествие к дяде моего двоюродного брата, который утонул. Дядя должен был научить меня правилам приличия, которых ждут от рыцарей. Кажется, что я упускаю некоторые из них. Мессир д'Имбер из Ордена Дракона был там, и он обрадовался, когда услышал, что турнир приобретает реальные очертания. Он настоящий рыцарь. Такой простой, такой честный.

– Не думаю, что ей нравится, когда вы держите ее, как за ошейник, – сказал Леонель вежливо авторитетным тоном.

– И я думаю, что смогу постоять за себя, – ответила Брисейда, выхватывая поводья из рук Теобальда.

– Ну, раз ты так говоришь...

Бодуэн посмотрел на своего сына.

Раздражение Брисеиды превозмогло страх перед своим скакуном. Она яростно толкала лошадь вперед, упираясь ногами в бока.

Теобальд не отцеплялся от нее до самого конца. Он продолжал и продолжал говорить. С каждым рассказом она все больше чувствовала, что он смеется над ней. Ее голова гудела.

– ...Так я ему и сказал. У меня есть сестра, которая очень похожа на тебя. Она старше меня на три года, значит, она должна быть старше тебя на десять лет. У нее такой же взволнованный взгляд, когда я с ней разговариваю. Такие же кудрявые волосы. Но она блондинка. У нее более круглый нос и более впалые щеки, и когда она улыбается, не видно ее десен, как у тебя. Но у тебя такой же дерзкий взгляд. Можешь немного улыбнуться? Моя мама красивее. Намного. Моложе моего отца и тоже печальнее. Думаю, что я заставляю ее грустить. Как жаль, да? Она дочь сенешаля. Единственная из его детей, пережившая свой пятнадцатый день рождения.

Он резко похлопал ее по плечу:

– Не смотри так! Ужасно! Кого ты мне напоминаешь? Я не знаю... У тебя будто над головой черная туча. Кстати, знаешь ли ты, как прогнать дух бури?

– Нет... Расскажи мне.

– Легко, достаточно заметить стаю ворон, которая всегда сопровождает его, и выстрелить из лука в центр. Стрела, ко-

нечно же, должна быть освящена. Буревестник падает прямо вниз, с полной сумкой градин.

– Тебе рассказали эту историю? Или ты видел что-нибудь подобное?

– Ты хочешь увидеть загадочных существ, верно? Необходимо быть терпеливой и внимательной. Злое существо невозможно распознать с первого взгляда. Или краем глаза, на мгновение. Они прячутся, они застенчивы. Они ждут, чтобы узнать, в каком состоянии ты находишься. Ты тоже должна следовать их правилам. Не надейся увидеть Муриоше⁵, пока не попрыгаешь вокруг трехногого табурета три раза с щепоткой соли в левой руке и пером в заднице – ждать придется долго! А Брандхакс⁶, например, для того, чтобы она не пришла поджигать все леса страны своими волосами, нужно подарить ей гребень, а если хочешь, чтобы она пришла, тебе придется выпить суп из семи ветров, стоя на одной ноге в ручье, с травинкой между зубами! Скажи, что ты поняла из того, что я только что сообщил?

– Я...

– Ты девушка, в твоей голове пустота. Знаешь ли ты, почему должна следовать таким глупым и неприятным инструкциям? Было время, когда Бог Всемогущий не замолкал. Мы слышали его и знали. Но мы разочаровали его. Настолько, что после этого он оставил нас одних, словно идиотов. А по-

⁵ Муриоше – вредный демон-оборотень, особенно опасный для детей.

⁶ Брандхакс – демоническое создание.

сколько прошло много времени, мы все забыли. Мы больше ничего не знаем, поэтому нам остается только следовать указаниям наших предков, глупых и мерзких. Ха-ха! Вот и все! Я знаю, кого ты мне напоминаешь! Труй-де-нуй! Вот некоторые из них, которые хорошо себя зарекомендовали! Красивые, благородные и могущественные, какими они были когда-то...

– Что?

– Труй-де-нуй! Королева плотских желаний, нищенка, готовая броситься на первого попавшегося балбеса. Тусклые, но зоркие глаза ищут, чистят, препарируют, мягкий рот пускает слюну, ноздри раздуваются, обнюхивая все вокруг... Где найти следующую добычу? Уже дрожат ее чудовищные бедра, непропорционально большие бедра под молодым туловищем, да! Вот оно! Она нашла его! Но Труй-де-нуй ищет лишь галопа на ночь, ты же, ты хочешь лично познакомиться с дьяволом! Твоя огромная непристойная плоть так же трепещет. Так что не обижайся, я тебе помогу. Все просто, нужно просто оседлать дыхание легенд.

К счастью, на горизонте показался город Каркасон. Брисеида сосредоточилась на великолепном острове с крепостными валами и остроконечными башнями, затерянном в долине с зеленью, у подножия большой черной горы и на краю еще более крупного горного массива со снежными шапками. Она уже чувствовала себя намного лучше.

– Да, – вздохнул Теобальд, угадав ее эмоции. – У города

красота ангела. Но природа дьявола.

5. Энндалор д'имбер

Семь веков назад китайская столица поразила их своими глинобитными стенами, являя собой поразительное зрелище мощи и величия. Белокаменные стены, окружавшие крепость Каркасон на вершине холма, и раскинувшийся за ней город, в который они вошли, обладали схожей магией. Но в отличие от китайской столицы узкие улочки нижнего города Каркасона, хотя и прямые, не давали ощущения порядка или контроля. Как только путники миновали западные ворота города, сказочный пейзаж исчез и сменился яростным месивом. Вдоль грязных переулков водосточные трубы были переполнены грязью. Деревянные лачуги теснились совсем рядом друг с другом, чудом уместаясь на фоне величественных особняков, огромных дворцов из резного камня и маленьких фахверковых домиков с живописными вывесками.

На узких улочках разноцветные фасады высоких шестиэтажных зданий возвышались над прохожими, а их крыши поглощали небо. Запах на улице был еще более отвратительным, чем вчера в свинарнике. Трупы бродячих собак, внутренности и лужи крови на улице мясников, ведра с мочой и куриным пометом у ткачей, известь, сера, сода и сало у кожевников – все это смешивалось с вонью экскрементов, разложения и горячей пищи из лавок. Лошади зигзагами пробирались между навесами и пешеходами, гусями, свиньями и крысами. Бодуэн указал на замок, возвышающийся на вершине города, и крикнул:

– Надеюсь, вы не будете возражать, если мы разместим вас в соборной богадельне, все комнаты в постоялом дворе уже заняты.

Брисеида наивно полагала, что улицы будут менее людными, менее шумными, а запахи – более терпимыми. Она тешила себя этой иллюзией, пока пересекала великолепный каменный мост, перекинутый через мелкую речку, разделяющую город на две части, каждая из которых была обнесена крепостными сооружениями с остроконечными башенками. От вида крепости захватывало дух. Но вскоре ее охватило беспокойство, стоило пройти через первые и вторые укрепленные ворота верхнего города. Не только какофония и вонь были столь же невыносимы, но и еще более узкие и извилистые улицы не давали передышки ее перегруженным органам чувств.

– Великолепно, – вздохнула Лиз, ее глаза блстели, она все еще была очарована сказкой.

Рукой прикрывая нос, Оанко смотрел на нее так, словно она только что проглотила слизняка.

– Спасибо, – сказал Энндал, испытав внезапное чувство гордости.

– Можно мне такую шляпку? – добавила Лиз, указывая на трех женщин благородного вида в ярких платьях, на которых красовались остроконечные головные уборы, украшенные большими полупрозрачными вуалями, развевающимися, как фата.

– Атур? Если это сделает тебя счастливой, то я достану его для тебя.

– А волшебную палочку? – рассмеялся Леонель. – Достанешь для нее, Энндал?

– Я не понял шутки, – сказал Эней, видя, что Брисеида смеется себе под нос.

– Потому что она не смешная, – резко ответила Лиз под дружный смех Брисеиды и Леонеля.

Босоногие дети играли в грязи посреди двора недалеко от собора. Из большого темно-красного здания вышел молодой постриженный священнослужитель, одетый в бежевую рясу, и бодро отогнал детей, чтобы поприветствовать господина и его гостей.

– Мессир Эбрар, вы вернулись! Добро пожаловать.

– Приветствую, Хасин, рыцарь д'Имбер и его свита бу-

дут жить в богадельне на время турниров. Пожалуйста, позаботьтесь о том, чтобы их разместили с комфортом.

Глаза Хасина обеспокоенно округлись, затем он решительно кивнул:

– Паломникам придется немного потесниться, но приказ исполним.

– Он сообщил тебе какую-нибудь интересную информацию? – осторожно спросил Энндал у Брисеиды, указывая на Теобальда, который весело пугал детей, подгоняя к ним своего скакуна.

– Плевать, архетип он или нет, просто больше не оставляй меня наедине с этим чудаком, – вполголоса ответила она. – Вот честно, теперь я понимаю его мать.

– Он говорил с тобой о своей матери?

– Он просто сказал, что она грустит. И все.

Энндал задумчиво кивнул.

– Что за песни? – спросил Бодуэн. – Кажется, они доносятся из собора, но время службы еще не пришло.

– Похороны мессира де Курносак. Их пришлось отложить, мессир.

– На два дня?

– Архиепископ хотел завершить некоторые дела со всей гильдией купцов, прежде чем некоторые из них уедут в Ним.

– Разве он не мог занять гостиницу?

– Гостиница переполнена, мессир. Только в соборе было малоллюдно.

Бодуэн кивнул, заметно раздражаясь, затем повернулся к Энндалу:

– Мне нужно пойти в собор, чтобы отдать дань уважения рыцарю де Курносак.

– Да уж, вот скукота, – вздохнул Теобальд, слезая с коня. Бодуэн проигнорировал это замечание, продолжая смотреть на Энндала.

– Теобальд сопроводит вас в наш дом, останьтесь там до моего возвращения. Так что вам не придется томиться в ожидании нормального обеда. Сомневаюсь, что еда, которую подают в богадельне, очень сытна.

– Спасибо, – сказал Энндал, – но если вы не возражаете, я бы хотел отдать дань уважения одному из моих соратников.

– Это сделает вам честь.

Из готического собора доносилось прекрасное песнопение. С главного двора голоса этих людей, казалось, вибрировали на священных камнях и пробуждали грозных горгулий, склонившихся к ним с высоты башен.

Бодуэн провел их через небольшой дверной проем, окруженный каменной аркой. Сначала Брисеиду поразила сла-

дость воздуха с ароматом благовоний, затем сила песнопений, которая томилаь внутри священного помещения. Свет ослепил ее. Позади собравшейся толпы, склонившей головы и сцепившей руки, цветные лучи проходили сквозь великолепные витражи и клубы дыма от благовоний, падая на хор собора. Множество свечей освещали алтарь, заставляя сверкать огромное золотое распятие и многочисленные сокровища, украшенные драгоценными камнями. Рядом, купаясь в этой игре света, лежал человек в сверкающих доспехах. Плач знати, стоящей на коленях рядом с покойным, насыщал духовную песню пронзительной меланхолией.

Энндал опустился на одно колено, чтобы перекреститься. Лиз старательно повторяла за ним. Под конец пения роскошно одетый священнослужитель вышел вперед, чтобы обратиться к собравшимся. Ему было около пятидесяти лет, он обладал квадратными плечами и суровым лицом. Брисеиде показалось, что он воплощал в себе образ строгости духовенства того времени. Пухлый мужчина в более скромном одеянии представил его, огласив тонким голосом:

– Архиепископ Тулузы!

Тот поблагодарил его кивком и невозмутимо заговорил. Голос его разносился по всему собору:

– Бог говорит, что человек должен подчиняться двум: плотскому господину, потому что он плоть, и духовному господину, потому что он дух. И как дух повелевает плотью, так и духовные наставления должны быть поставлены выше

плотских. Слушайте меня, жители Лангедока, ибо в эти темные времена опасность для души еще никогда не была столь велика.

Сатана совершил высший грех и навсегда покинул небеса. Его физическое падение сопровождалось вторым, более жестоким падением. Его душа была разорвана на части. Он потерял свои перья, его крылья увяли, лицо стало мерзким, кожа покрылась гнойниками, а ногти превратились в когти льва. Но прежде всего в нем укоренилась глубокая боль, от которой ничто и никто никогда не сможет его освободить. Сатана – величайший из падших ангелов. Однако он лишь один из многих. *Ибо Бог не пощадил согрешивших ангелов, низверг их в бездну до Судного дня.* Те, кто менее склонен к гордыне по сравнению с дьяволом, стали служить для обмана и наказания людей.

Кого люблю, того и бью. Клыки и когти, от которых пострадал рыцарь де Курносак, – это лишь нежная ласка по сравнению с тем, что ожидает грешников в аду. Не заблуждайтесь. Настоящая опасность таится не в горах и даже не в темных углах переулков Каркасона. Она таится в сердце каждого из вас, кто в своем безумии плюет в лицо Всемогущего Творца. Мессир де Курносак заплатил своей жизнью за проступки народа, потворствующего гордыне, скупости и лени. Народа, живущего во лжи, прелюбодеянии и самом страшном позоре. Ни один рыцарь в мире не может победить эти беды.

Услышьте молитву раба Божьего! Покайтесь и подчинитесь наставлению церкви. Выберите правильный путь, чтобы жертва мессира де Курносок не была напрасной. Восславим Господа. Аминь.

– Аминь, – хором ответили прихожане.

– Давайте в последний раз поблагодарим одного из величайших рыцарей этого королевства.

Брисеида украдкой переглянулась с Энндалом, который кивнул в знак согласия. Понимал он это или нет, но архиепископ Тулузы произносил речь, заранее подготовленную служителями Цитадели. Он подразумевал, что если все не будут подчиняться наставлениями церкви, то ее химеры будут продолжать портить жизнь прихожан.

Пение возобновилось, и процессия медленно двинулась от скамей в неф к алтарю, чтобы попрощаться с рыцарем, лежащим на плите. Бодуэн пригласил их присоединиться к нему.

Медленно направляясь к хору, Брисеида пыталась придумать, как избежать столкновения с архиепископом, не привлекая внимания. Она заметила, что только богато одетым членам общины, похоже, разрешалось подходить к покойному. В своем поношенном бежевом платье и выцветшем плаще она была похожа на нищенку, да и остальные выглядели не намного лучше. Энндал, похоже, пришел к тому же выводу: перед последним рядом скамей он замедлился и прошептал на ухо Бодуэну:

– Может, нам стоит держаться в стороне?

– Ни в коем случае, – ответил Бодуэн, приглашая его подняться по первым ступенькам к алтарю.

Энндалу пришлось последовать за ним.

Шествие закончилось, и родственники рыцаря, стоявшие на коленях рядом с ним, поднялись один за другим. Казалось, только красивая молодая женщина с покрасневшим от слез лицом была опустошенной, она все еще рыдала у ног покойного. С тяжелым сердцем Брисеида наблюдала за тем, как та пыталась успокоиться.

Заметив Бодуэна, некоторые люди сошли с платформы, чтобы освободить место для него и его гостей. Пухлый служитель церкви поднял руку к священнослужителям, которые быстро закончили свою песнь.

– Мессир Бодуэн Эбрар вернулся, – объявил он тоненьким голоском. – Пусть его путешествие принесет нам добрые вести, которые облегчат нашу боль.

– Печаль, которую вызывает у меня смерть моего зятя, не унять, – ответил Бодуэн. – Но я принес с собой новую надежду, которая в будущем позволит нам убедиться в том, что жертва мессира де Курносак не была напрасной. Не прошли даром благословения архиепископа Тулузы и епископа Каркасона, молитвы наших священников и верующих. Всемогущий Господь услышал нас. Рыцарь д'Имбер, присутствующий здесь, – первый из многих рыцарей, которые придут защищать наш город. Через несколько недель мы отпразднуем

завершение турниров и начало новой эры. Слава Господу. Аминь.

– Слава Господу. Аминь, – пробормотал Энндал, склонив голову и незаметно оглядываясь по сторонам.

Казалось, у молодой женщины, сидевшей у ног покойного, больше не было сил. Двое мужчин провели ее по помосту в сопровождении дюжины других женщин. Дворяне с любопытством рассматривали удивительного рыцаря и его спутников – диковинных разноцветных людей. Энндал, заметно смущенный таким вниманием к себе, тоже почтительно отошел в сторону, пропуская процессию женщин. У одной из дам, когда она подошла к нему, внезапно закружилась голова. Он бросился подхватить ее, пока она не упала.

По нефу пронесся громкий смех.

Теобальд подошел к Энндалу, который держал красивую женщину лет пятидесяти на руках.

– Моя матушка обожает устраивать представления! – воскликнул он с безумной улыбкой.

– Теобальд! Не сейчас! – прорычал Бодуэн в глухой ярости, схватив сына за запястье.

Он сделал незаметный знак церковнику, стоявшему рядом с ним. Последний обратился к настоятелю. Сразу же зазвучало песнопение, отвлекая внимание прихожан.

Матери Теобальда помогли подняться на ноги, и Бодуэн призвал Энндала встать рядом с рыцарем, лежащим на алтаре. Пухлый мужчина, епископ Каркасона, нервно попра-

вил свою широкополую шляпу, машинально разгладил расшитую золотом мантию, накинутую поверх пурпурной рясы, поднял руки и произнес несколько молитв. Стоя лицом к толпе, на виду у всех, Эндал озабоченно смотрел на рыцаря де Курносак. Сияющий луч света окрасил его каштановые волосы и подчеркнул морщины на лбу.

Снова начали петь. Эндал пробормотал молитву, намеренно не обращая внимания на унылый ропот, доносящийся со скамей собора.

Брисеида рассматривала огромные колонны, поддерживающие неф, каменные своды, возвышающиеся над их головами, и величественные окна с изображением роз, так похожие на те, что были в библиотеке Цитадели. Голоса ли монахов, красота места или его темные уголки создали мистическое восприятие, одновременно завораживающее и тревожное? Постепенно на нее нахлынуло странное чувство. На мгновение ей показалось, что она слышит смех, доносящийся с колонн нефа и смешивающийся с пением. Но, кроме статуй святых, исполненных благочестия, там никого не было. Тео-бальд смиренно стоял рядом с отцом, склонив голову. Шесть рыцарей подошли к покойному, чтобы торжественно вынести его из собора. Брисеида отмахнулась от своих предчувствий, мысленно усмехнувшись над тем, что скажет Леонель, если она признается ему, о чем думает.

Он потянул ее за локоть. Она перевела взгляд на священнослужителей, стоящих вокруг алтаря.

– Смотри, – прошептал он ей на ухо, – вот этот не понимает, о чем поет.

Брисеида обратила внимание на маленького человека с большим лбом, который пел, широко раскрывая рот. Она вдруг заметила диссонанс в его пении и явное отличие в движении его губ – остальные пели по-другому. Казалось, он был единственным, кто произносил слова песни на латыни. Однако, как поняла Брисеида, остальные, должно быть, тоже поют на латыни, хотя она слышала слова на французском.

Удивившись магии, о которой она время от времени забывала, Брисеида изучала других священнослужителей, которые пребывали в состоянии оцепенения. Внезапно ее охватил ужас. Молодой человек с бледным, вытянутым лицом не пел. Он не мигая смотрел прямо ей в глаза. Как будто в ней он обнаружил тот самый настораживающий фрагмент похоронной картины. Как будто он хотел сказать ей: «*Я знаю, кто ты*». Она хотела схватить Леонеля за руку, чтобы сообщить ему, но не могла оторваться от гипнотического взгляда юноши. Леонеля рядом с ней уже не было. Он следовал в хвосте процессии, спускаясь по ступеням платформы за кортежем покойного. Брисеида поспешила присоединиться к нему. Равнодушный священнослужитель не сводил с нее глаз.

Собор постепенно опустел, процессия растянулась по улицам города. Бодуэн остался на крыльце собора и подождал, пока толпа разойдется, прежде чем серьезно заговорить

с Энндалом:

– Прошу прощения, что не рассказал вам о несчастной судьбе моего зятя, рыцаря де Курносака. Видите ли, его уже давно должны были похоронить. Я надеялся, что не придется рассказывать вам об этом.

Энндал кивнул:

– Он охотился на вуивра и был убит.

– Я не хотел отговаривать вас от охоты. Я уважал своего зятя, но по-прежнему убежден, что он совершил серьезный проступок, который стал причиной его смерти. Вуивра возможно победить. У любого хорошего рыцаря, каким вы, безусловно, являетесь, есть шансы на успех. Не мучайте себя слишком сильно, лучше подумайте о многочисленных наградах, которые будут ждать вас по возвращении, помимо удовлетворения от освобождения города... Нам всем нужна ваша помощь, это не вопрос личной мести.

– Конечно, – вполголоса ответил Энндал. – Почему вы изначально не планировали присутствовать на похоронах? Простите мое любопытство...

– Это был трудный выбор, но я чувствовал, что важнее показать городу, что власть не ждет, а принимает решения. И потом... так я мог держать Теобальда на расстоянии. Он обладает удивительным умением творить неподходящие вещи в неподходящее время и заставлять толпу чувствовать себя неловко. Нам удалось предотвратить самое худшее. На фоне того, что происходит сейчас, бесноватые рассказы –

это последнее, что нам нужно.

Бодуэн обхватил Энндала за плечи, как бы убеждаясь в надежности рыцаря, а затем позвал священника, стоявшего в стороне на переднем дворе.

– Отец Нарцис составит вам компанию во время погребения рыцаря. Не хочу, чтобы вы в одиночестве переживали этот траур. Но все же хотел бы пригласить вас сегодня на ужин.

– Мы ценим вашу доброту, но я не думаю, что будет разумно навязывать свое присутствие после того, через что только что прошла ваша семья. Ваша жена должна отдыхать, а не заботиться о благополучии посторонних людей.

– Вы не только отважный рыцарь, но и воспитанный человек. Большое спасибо за ваше участие. Позвольте мне хотя бы послать эмиссара, чтобы найти ваших людей и забрать грамоту, подтверждающую ваш воинский титул.

– Я уже послал кое-кого сегодня рано утром из трактира. Не хотел терять время, ведь скоро начнутся турниры.

– Как остроумно и дальновидно! Чувствую, мы с вами поладим.

Лейтенант Эбрар кивнул им и оставил их с каноником⁷.

– Где будут проходить турниры? – спросил Энндал у священнослужителя.

– У подножия патрульного пути, мессир.

– На том лугу у реки?

⁷ Каноник – католический соборный священник.

– Да, мессир.

– И как нам туда добраться?

– Через мост, соединяющий нижний и верхний города, мессир.

– Хорошо. Возвращайтесь к своим делам, отец, наверняка у вас есть дела. Я сам отыщу дорогу.

Энндал решительно заявил своим друзьям, что намерен использовать предоставленный им вечер для проверки теорий Лира. Он не хотел терять времени. Казалось, смерть рыцаря особенно сильно повлияла на него. Возможно, подумала Брисеида, он все больше осознавал реальность опасности возвращения в свое время, столкнувшись с останками соратника. Взглянув на Лиз, она поняла, что та согласна с ним, но не считает нужным говорить об этом прямо сейчас.

– У меня идея, – заявила актриса. – Если мы должны использовать все имеющиеся в нашем распоряжении предметы, чтобы провести химер через пустую раму, давайте используем дары старухи. Почему нет? Если мои духи могут показать лестницу, почему они не могут показать нам химер?

– Можно попробовать, – согласился Энндал. – Поэкспериментируйте с вашими предметами. Но не трогайте песочные часы. Нельзя рисковать – химеры не должны нас обнаружить.

– Элита использовала мои песочные часы, чтобы взять под контроль химер, – сказала Брисеида, – а наша цель заключается не в этом.

Они последовали за Энндалом к подножию патрульного пути, где вскоре должен был состояться турнир. Большой луг пересекала зеленая роща с мягкой листвой. Энндал ходил между стволами, поглаживая кору кончиками пальцев, изучая каждую точку обзора, прежде чем выбрать уголок поляны, подальше от посторонних глаз, за кустами, где они могли бы экспериментировать, не привлекая внимания. Каждый из них достал свой уникальный предмет: ловец идей, зеркало, пустую раму, воронку и всякие безделушки, меч.

Держа кисть перпендикулярно листу, Брисеида сделала глубокий вдох, чтобы очистить свой разум и сосредоточиться на энергии *ци*. Ветер танцевал в высокой траве и листьях деревьев и сопровождал приглушенное течение реки негромкой музыкой. Здесь было удивительно тихо по сравнению с непрерывной суетой, царившей неподалеку, за высокими стенами обеих частей города. Брисеида закрыла глаза и, чтобы полностью перенять энергию химеры, представила себе желтого китайского дракона, выплывающего из реки. Правую руку начало покалывать, и она позволила ей блуждать по большой бежевой простыне. На бумаге появилась изящная линия, позвоночник, гребень, большие клыки и выпученные глаза. Брисеида не стала вдруг искусной художницей. Для неопытного глаза ее неуклюжий дракон был бы грубой мазней. Но, кроме движения энергии, ничего не имело значения. Увлеченная своим порывом, она рисовала двух, трех, четырех, десять драконов одного за другим, каждого

на новом листе бумаги, который потом бежала раскладывать вокруг Лиз. Актриса, стоя в центре их экспериментального поля, продолжала пытаться соединить предметы. Два часа прошли безрезультатно. Лиз проявила большую изобретательность, но даже у артистки из будущего с компаньонами из разных эпох были свои пределы. Постепенно она начала ошибаться в своих логических предложениях и запуталась в инструментах.

– ...Может, стоит подуть в нее? – предложила она, зажав конец воронки между зубами. Ранее она повесила на него веер, на конце которого висел камертон Энея. Вся эта конструкция располагалась над хрустальным шаром, балансировала на наперстке, опиралась на компас Оанко, который актриса держала на расстоянии вытянутой руки. Держа под локтем деревянный куб Менга, она все еще размахивала палочками Эннала и энергично распыляла в воздухе парфюмерную воду, как будто хотела отогнать призраков.

– Попробуй удержать хрустальный шар на голове, – предложил Леонель.

– Думаешь?

– Или переверни воронку и поставь ее на голову, а хрустальный шар установи сверху.

– Я серьезно. Леонель, прекрати нести чушь.

– Но я максимально серьезен, – защищался Леонель, небрежно опираясь на свою большую раму, которой он перестал размахивать.

– Попробуй заставить звенеть зеркало с помощью камертона, – предложил, наконец, Эней.

Менг подошел к Лиз, чтобы вручить ей зеркало. Медленно Лиз наклонилась так, чтобы металлическая вилка ударилась о зеркало, не касаясь своей хитроумной конструкции.

Сильный порыв ветра пронесся сквозь листву деревьев. По телу Брисеиды пробежала дрожь. На ее лист капнуло большое чернильное пятно. Эней и Оанко поднялись на ноги, готовые к атаке. Энндал поднял свой меч и незаметно показал большой палец вверх.

– Приготовьтесь, – прошептал он.

Лиз не решалась сдвинуться с места. Камертон, свисающий с конца веера и прикрепленный к концу воронки, который вдобавок актриса держала во рту, бешено вращался вокруг магической сферы.

– Он движется сам по себе, это не я... – пробубнила она.

– Конечно, это ты, вон как дрожишь! – Леонель рассмеялся, раздраженный такой ерундой.

Ветер стих.

– Брисеида, ты что-нибудь видишь? В зеркале? – спросил Энндал сквозь зубы.

– Нет, ничего...

Движение в кустах привлекло ее внимание. Она замерла. Два темных глаза блестели в листве. Она вскочила на ноги. Глаза исчезли среди ветвей, и вскоре звук торопливых шагов затих. Брисеида бросилась за незванным гостем.

Она бежала сквозь чащу деревьев, не думая о том, что ее длинное платье может запутаться в колючках. Она перешла на другую сторону, запыхавшись, как раз вовремя, чтобы увидеть, как Теобальд вбегает в расположенный на высокой стене дом. Ее сердце заныло. Если Теобальд сообщит об их странных действиях церкви, то не стоит питать особых надежд на свободу. Она должна была поймать его, пока он не наделал глупостей. Брисеида бросилась вверх по пологому склону, который вел к каменным стенам, борясь с высокой травой, а тяжелое платье сбилось в руках.

– Брисеида! Ты что творишь?

Эней стоял у подножия больших деревьев, держа сачок для ловли бабочек, и с растерянным видом разводил руками. У нее не было времени на объяснения.

– Я скоро вернусь! – улыбнулась она и побежала.

Дом, в который вбежал Теобальд, был не единственным, построенным на крепостной стене, но, безусловно, самым большим и скромным, с черепичной крышей и единственным маленьким, зияющим, размером с воздушный шар окном. У Брисеиды было некогда стучать в низкую дверь. Она была распахнута настежь, и перед ней склонился сурового вида мужчина в выцветшей плаще.

– Да?

– Здравствуйте, я бы хотела видеть Теобальда. Пожалуйста.

– Приходите позже, я исповедуюсь.

Мужчина повернулся и взглянул на Теобальда, стоявшего на коленях на сухой земле в затемненной комнате, сцепив руки перед решеткой, закрывающей подземный ход. Из перекрытого туннеля доносились стоны.

– Теобальд... Я бы хотела поговорить с тобой.

– Я исповедуюсь, – повторил Теобальд, прежде чем отвернуться. – Но если речь идет о дьявольских фантазиях, я слушаю. И я уверен, что отец Асемар тоже будет рад послушать. А в чем дело?

Брисеида бросила на отца Асемара настороженный взгляд. Его редкие волосы на гладком, блестящем лбу, узкий нос и плотно сжатые губы не внушали доверия.

– Я бы хотела поговорить наедине.

– Здесь ты можешь свободно выражать свои мысли, дочь моя, – вмешался отец Асемар. – Аббат знает, что нужно держать язык за зубами, и у хорошего христианина не должно быть секретов от церкви. Так в чем дело?

– Конечно, в маленьких экспериментах рыцаря д'Имбера на лугу, – ответил Теобальд, прежде чем Брисеида успела хоть что-то сказать. – Вы уже поймали первого демона? Наверняка у реки их достаточно.

Отец Асемар распахнул свои круглые глаза и вышел из дома, чтобы получше рассмотреть луг.

– Теобальд, что вы имеете в виду под экспериментами? Что они делали у реки?

– То, что делает старая Марта, когда вас нет рядом, и то,

что сделали три ублюдка в вашей темнице, отец. Кстати, я забыл вас представить. Брисеида, отец Асемар, инквизитор Каркасона. О, и вы находитесь на ступенях Стены, где заключены ведьмы и еретики страны. Мне нравится приходить сюда, чтобы исповедоваться. Все здесь напоминает о том, что ожидает нас, бедных грешников, марионеток дьявола.

Отцу Асемару не нужно было проверять слова Теобальда. Чувство вины было написано на бледном лице Брисеиды. Покраснев от гнева, инквизитор схватил крест, отпихнул Брисеиду и зашагал вниз по пологому склону, бормоча имя Христа и святых евангелистов. Все, что Брисеида пыталась сказать, чтобы остановить его, убедить в ошибке и заставить повернуть назад, осталось без ответа.

Брисеида проклинала свою бестолковость. Почему она не могла солгать? Эней отправился к остальным. Инквизитор намерен поймать их за колдовством. Брисеида была уверена, что Теобальд специально выставил себя напоказ, прежде чем побежать к инквизитору, дабы привести ее к нему. Чтобы она пришла и разоблачила себя. Леонель оказался прав – Теобальд был опасным человеком, который точно знал, что делает.

– Рыцарь просто хотел изучить будущую площадку для турниров. – Брисеида попыталась снова переубедить Асемара, едва поспевая за ним. – Он очень благочестивый рыцарь, ему и в голову не придет иметь дело с дьяволом...

Асемар выбежал с другой стороны роши и замер.

– Я полагаю, что арена построена под таким углом, чтобы расположение солнца не было в пользу одного из бойцов, – объяснял Энндал Леонелю, указывая рукой направление.

Он выдержал паузу, увидев, что инквизитор покраснел и начал тяжело дышать.

– Святой отец? – удивленно воскликнул он. – Вы неважно выглядите. С вами все в порядке? Могу ли я чем-то помочь?

Отец Асемар окинул луг оценивающим взглядом. Эней держал отражающее химеру зеркало перед Лиз, которая смотрела на кончик своего носа, беззаботно восседая на камне, в то время как Менг прикреплял воронку к ее голове, а Оанко обильно опрыскивал ее духами, яростно обмахивая ее кипой бумаг.

– Святой отец? – повторил Энндал, чтобы отвлечь внимание инквизитора от странной картины.

– Знаете ли вы, мессир д’Имбер, чего стоит обращение к оккультным наукам?

– К оккультным наукам, отец? Вы, наверное, ошибаетесь...

– Я распознаю ересь, когда вижу ее, мессир!

– Не сомневаюсь, но...

– И ваше знатное происхождение не спасет вас ни от суда Божьего, ни от моего! Теобальд, беги и предупреди стражу своего отца!

– О, в этом нет необходимости, она уже здесь.

Священник резко повернулся. Навстречу им шла молодая

женщина, ее длинные рукава волочились по высокой траве. Только когда она подошла достаточно близко, чтобы поприветствовать их, Брисеида узнала жену погибшего рыцаря, дочь лейтенанта Эбрара.

– Его лучший сторожевой пес, – добавил Теобальд, отведя взгляд в сторону.
– Отец Асемар? В чем дело? Я слышала крики. Вы в порядке, мессир д’Имбер?

Ее глаза все еще были красными от слез, но, похоже, она пришла в себя.

– Теобальд, я искала тебя повсюду, – снова сказала она властно. – Думаешь, самое время играть в прятки?

– Теобальд пришел исповедаться, госпожа Кассандра. Нам помешали эти язычники, которых мы застали в разгар сатанинского ритуала.

Его взгляд переместился на Менга и Оанко.

– Святой отец, должен возразить, – начал Энндал, когда позади него Лиз выхватила кипу бумаг из рук Оанко, вытерла лицо рукавом и сняла воронку с головы, устремив взгляд на Менга. – Мои спутники родом из далекой страны, с края света, но по возвращении из путешествия я их обратил в христианство, они больше не язычники.

– Из путешествия? Какого путешествия?

– Я с удовольствием расскажу, если вы уделите мне время. Дочери лейтенанта потребовалось лишь мгновение, чтобы оценить торжествующее выражение на лице своего непуб-

тевого брата и понять ситуацию.

– Похоже, Теобальд, тебе все еще нужно исповедаться в своем грехе, – сухо сказала она ему. – А вы, отец Асемар, разве не достаточно общались с моим братом, чтобы понять, что нельзя верить каждому его слову?

– Меня убедили не слова вашего брата, а виноватое выражение лица этой девушки, миледи.

– Но, отец, любой бы почувствовал себя виноватым, если бы подвергся допросу с вашей стороны.

– Вы сомневаетесь в божественной силе, которой Господь наделил меня, миледи?

– Конечно, нет, отец, только в вашей дипломатии. Мессир д'Имбер проделал долгий путь, чтобы ответить на призыв моего деда. Не кажется ли вам, что было бы неправильно обвинять в ереси первого рыцаря, который пришел на помощь Каркасону прямо в день его прибытия? Более того, рыцаря, принадлежащего к ордену, посвященному победе Христа! Почему бы вам не пригласить мессира д'Имбера отобедать сегодня вечером с канониками и монахами? У него будет достаточно времени, чтобы рассказать вам о своем путешествии на край света.

– Духовенству ни к чему скалистые приключения на краю света, – фыркнул инквизитор. – Тем не менее...

– Тем не менее вы пригласите его, чтобы следить за ним. Инквизитор был ошеломлен.

– Разве вы не должны быть со своими родными? – ответил

он, обидевшись, что она догадалась, о чем он думает.

Энндал попытался скрыть улыбку.

Кассандре еще не было тридцати лет, но она уже продемонстрировала удивительное самообладание. Достойная внучка сенешаля.

– В общей картине семьи не хватало важного элемента.

– Позвольте мне позаботиться о Теобальде, госпожа Кассандра, у вас и так был тяжелый день.

– Благодарю, святой отец.

Инквизитор, вероятно, хотел избавиться от Кассандры с помощью этих медовых слов. Но она и глазом не моргнула. Она ждала, замерев на месте, пока инквизитор сдастся и уйдет, разглагольствуя под своей маской, увлекая за собой сияющего Теобальда.

– Мессир д'Имбер, – сказала Кассандра, смиренно поклонившись Энндалу, – надеюсь, мой брат не слишком досаждал вам?

– Будьте в этом уверены, миледи. Я был немного удивлен, вот и все.

– Теобальд не плохой человек, но он не способен оценить последствия своих действий.

– Сегодня утром у меня было время понаблюдать за ним по дороге сюда... Он всегда был таким? Или же изменился совсем недавно и, возможно, неожиданно?

– На моего брата, как и на всех остальных, влияет происходящее сейчас, – защищаясь, ответила Кассандра, – но он

всегда был непутевым. Он не жертва происков дьявола, если вы это имеете в виду.

– Не смею так думать, – сказал Энндал. – Я просто хотел бы понять его. Я нахожу вашего брата очаровательным.

Энндал знал, что делал. Кассандра расслабилась. Она даже улыбнулась.

– Вы первый, кто так считает, – сказала она, опустив взгляд. – Обычно люди только и думают о том, чтобы обвинить его во всех бедах. Теобальд все понимает, он не глуп, и он не может не играть в их игру и не выставлять себя в еще более худшем свете. Когда-нибудь того, что он сын лейтенанта, окажется недостаточно для его защиты... Простите, так странно, но мне кажется, что я вас знаю... Мы встречались раньше?

После этих слов на лице Энндала появилось выражение, которое Брисеида, несмотря на то что они находились совсем рядом, не смогла расшифровать. Но он продолжал уверенно говорить:

– Не думаю. Я никогда не был в Каркасоне.

Кассандра положила руку на крошечный кожаный мешочек, висевший у нее на шее. Она на мгновение замешкалась.

– Я надеюсь, что множество рыцарей вашего уровня придут, но еще больше надеюсь, что ни один из них не пригодится. Чтобы выиграть битву, достаточно одного храброго сердца. Вот, это вам. Внутри на коже выгравировано заклинание, которое должно принести вам удачу.

– Миледи, я не знаю... – сказал Энндал, отступая назад, когда она пыталась надеть свой талисман ему на шею. – Это языческая практика, инквизитор...

– В тот день, когда его молитвы уничтожат Мрачного короля, он сможет навязать мне все, что захочет. А пока позвольте мне верить так, как умею. Я не могу рассказать вам о своих чувствах в день похорон мужа. Но этот талисман очень важен для меня. Пусть напоминает вам о моей поддержке... Сегодня вечером монахи попытаются отговорить вас от охоты. Не позволяйте им запугивать вас. Я в печали, но мой муж поступил правильно. Я надеюсь, что вы тоже сможете следовать за своим сердцем.

На обычно безупречно спокойном лице рыцаря появился яркий красный румянец.

Опустив взгляд, он произнес низким голосом:

– Я сделаю все, что в моих силах. Обещаю вам.

6. На краю света

– Либо он видел ее где-то раньше, либо их души узнали друг друга. Одно я знаю точно – это была самая прекрасная любовь с первого взгляда, которую я когда-либо видела.

Лиз крепко сжала плечи Брисеиды, чтобы доказать свою правоту, и радостно залепетала ей на ухо, пока они шли по грязным мощеным улицам.

– В каком-то смысле даже жаль, – добавила она, перепрыгивая через лужу свиной крови, – мне нравилось, что Энндал свободен. Но получилось так красиво, так что можно не грустить.

– Она гораздо моложе его.

– И что? Любви все возрасты покорны.

– Ты думаешь, что любовь так сильно меняет человека?

Энндал не проронил ни слова с тех пор, как Кассандра оставила их с отцом Нарцисом, который присоединился к ним на патрульном пути. Отец Асемар попросил его проводить их в монастырь августинцев в нижнем городе. Все монахи и каноники Каркасона собрались там на ежегодное собрание штатов Лангедока, чтобы разместить великих глав церкви, прибывших из других мест, поблизости с собором.

– Конечно, – хихикнула Лиз. – Тебе еще многое предстоит узнать о любви, моя дорогая.

Брисеида кивнула, чтобы не спорить. Ей не нравилось, когда упоминали, что у нее нет опыта. Однако она не могла признать, что угрюмое выражение лица Энндала и внутренняя борьба, которую он, казалось, переживал, могли быть результатом именно любви. Он вышел из оцепенения только перед монахами и канониками, уже устроившимися в большой монастырской трапезной. Отец Асемар попросил их сесть рядом с ним за главный стол. Аббат монастыря и несколько высокопоставленных священнослужителей восседали перед монахами за массивными деревянными столами.

Еда была благословлена, прозвучала молитва, а затем была подана трапеза. Энндал едва прикоснулся к чрезмерно соленой рыбе с репой. Под пристальным взглядом инквизитора он вежливо улыбался, кивал «да», «нет» на колкие вопросы настоятеля. Нет, король Арагона не собирался отказываться

от своего решения прекратить торговлю с Каркасоном до тех пор, пока король Франции будет настаивать на возвращении земель, которые ему не принадлежат. Да, Энндал побывал на границе Испании и видел роты мавров, которые целыми днями молились Аллаху. Нет, два его цветных спутника не были маврами, но да, он встретил их на краю света, обратил в христианство и привез с собой.

Менг и Оанко кивнули в знак согласия, а аббат смущенно улыбнулся в ответ.

Смуглый цвет лица Оанко может быть оправдан слишком большим количеством солнца. Но желтая кожа и раскосые глаза не поддавались объяснению, и священнослужители и прохожие смотрели на Менга со смесью любопытства и страха, которая могла заставить воображение разгуляться.

Брисеида с интересом наблюдала, как суровые с виду монахи сосредоточенно глядят на дно своих тарелок, в то время как каждое их осторожное движение выдавало их растущий интерес к ответам рыцаря. Каноники собора в белых халатах слушали не столь смущенно.

– Что значит «край света»? – спросил один из монахов. – Как далеко вы зашли?

Аббат бросил на него укоризненный взгляд – не его дело задавать такие вопросы, – но тем не менее внимательно ждал ответа.

– На край изведанного мира, – сказал Энндал после минутного колебания. – Где можно встретить самых ужасных

и необычных зверей.

– Вы сражались с драконами? – спросил каноник, сидящий в центре длинного стола, забыв принять незаинтересованный вид.

Все монахи теперь напряженно следили за каждым словом Эндала. Он вытер рот и посмотрел в глаза первому канонику:

– Я встречал не только драконов. Амазонки, восседающие на огромных морских конях, их золотые волосы шевелились в пене морской. Блемни, с глазами на животе, носами, вытянутыми из груди, и открытыми ртами у пупка.

Лиз позволила содержимому своей ложки упасть обратно на тарелку. Эндал сошел с ума?

– Почему у пупка? – спросил Эней, очарованный не меньше монахов.

– Блемни рождаются без голов.

– Они напали на вас? – спросил первый каноник.

– Блемни – существа злые, но не самые коварные. Я бы никогда не вернулся с края света целым и невредимым, если бы меня не защищала эмблема рыцарей Ордена Дракона. Однажды, когда я шел по следу Зверя Апокалипсиса, человек с ногами, как у лошади, предложил забраться ему на спину, чтобы помочь мне пересечь непроходимую расщелину. У меня не было другого выбора, кроме как смириться. Но как только я взобрался на него, кентавр галопом ускакал в противоположном направлении. Кожа его мужского торса

изменилась, его крючковатые руки схватили меня за лодыжки и поразили параличом, чтобы я не мог убежать. Демон заманил меня во тьму, откуда он пришел. Паника, которая должна была охватить меня, когда я увидел, как вдали вырастают Уста адовы, испарилась, едва я прикоснулся к кресту Святого Георгия. Господь Всемогущий вдохнул в меня свою силу. Уверенной рукой я выхватил меч из-за спины и вонзил его в ребра кентавра, который отпрянул назад, почувствовав, как его пронзает священный клинок. Он позволил мне упасть, и я смог отползти. Ноги больше не слушались меня, слишком онемели от дьявольской метки.

Ошеломленные спутники Эннала смотрели на него с открытыми ртами, как будто у него на лбу вдруг вырос рог. Невозмутимый рыцарь поведал о своих сражениях с чудовищами, каждое из которых было невероятнее предыдущего. Только один раз его прервал маленький монах, сидящий на другом конце стола:

– А сети, – спросил он, – для чего вы их используете?

Взгляд Эннала упал на два сачка для ловли бабочек, установленных у стены в зале. Отец Нарцис не дал им возможности вернуться в богадельню, чтобы оставить свои вещи.

– Люблю ловить бабочек, когда не нужно сражаться.

– О... конечно, – сказал монах удивленно, но не переставая вежливо улыбаться.

– И, побывав на краю света, вы решили, что вы идеально

подходите для охоты на вуивра? – спросил аббат, который, как и инквизитор, не переставал оценивать рыцаря во время разговора.

– Я отдал свое сердце и свою руку на служение нашему Господу. Я должен помогать его людям, куда бы меня ни позвали.

– Но Господь сам поставил это испытание на пути грешников. Вы действительно думаете, что помогаете жителям Каркасона, лишая их Божьего наказания?

Энндал задумался:

– Если Господь Всемогуший испытает своих овец, то такой скромный рыцарь, как я, не сможет остановить его. Не тревожьтесь, отец. Но я должен кое в чем признаться.

Он наклонился вперед, чтобы приблизиться к аббату, как будто собирался что-то сказать ему. Все священнослужители затаили дыхание, чтобы услышать его следующие слова:

– Годы охоты на Зверя Апокалипсиса научили меня тому, что стремление уничтожить тьму иллюзорно. Я мог бы легко пойти и убить вуивра и забрать его камень, чтобы уничтожить Ольхового короля. Но, как хорошо сказал архиепископ, только Божественный свет победит тьму, которая таится в сердцах людей. Нет, я пришел сюда именно потому, что надеюсь найти этот свет. Я начал свои поиски Божественной любви на краю света, где, как говорят, она была потеряна, унесена в далекие края Иосифом Аримафейским. Но, как ни странно, мой путь в итоге привел меня сюда.

– Божественная любовь... Вы имеете в виду Божественную благодать? Кровь Христа, собранную в Святой Чаше? – воскликнул аббат. – Вы ищете Святой Грааль?

Леонель проглотил кусок рыбы и чуть не подавился косточкой. Оанко несколько раз похлопал его по спине, чтобы помочь ему выплюнуть ее.

– В мире не будет покоя, пока он не будет найден, – сказал Энндал.

– И вы думаете, что найдете его в Каркасоне? – сказал аббат с усмешкой.

– Я думаю, что он находится на краю света, но не в том смысле, в котором вы могли бы подумать. Я думаю, что Ольховый король яростно охраняет ворота темного мира, в котором он оказался. Вот почему Святой Грааль интересует меня. Вот почему я здесь.

– Но что именно вы ожидаете найти? Вход в замок Ольхового короля? Вы действительно думаете, что он в *конкретном* месте? Дьявол везде и всюду, мой друг.

– Везде, где царит террор, как сейчас в Каркасоне.

Брисеида решила вмешаться:

– Я слышала о странном существе, созданном из чистого страха, которое живет на черной горе, в Устах адовых, на самом деле. Если есть дверь в замок Ольхового короля, разве она не там?

– Уста адовы, – вздохнул аббат раздраженно. – Дайте угадаю: Теобальд вам рассказал? Отец Асемар, я думал, вы кон-

тролируете его?

Отец Асемар покраснел:

– Я делаю все возможное, но сейчас и без того очень занят.

– Это правда, что на Черной горе есть место, настолько полное злых духов, что никто не осмеливается к нему приблизиться, – сказал аббат. – Некоторые жители города называют это явление «*Оно*». Но это не значит, что это Уста адавы... Страх, как и дьявол, присутствует везде. У вас будет возможность убедиться в этом лично.

– А может быть, где-то вы лучше чувствуете его присутствие? – спросила Лиз.

– Да, в лунном свете, – пробормотал каноник себе под нос.

– Отец Мартин, как вы думаете, момент подходящий? – спросил отец Нарцис. Он повернулся к Энндалу, чувствуя, что вынужден объяснить: – Один из наших священников, Уголин Попьян, одержим луной.

– А все потому, что мать родила его в ночь полнолуния посреди поля, – добавил третий каноник.

– Нет, дело не в этом, – сказал четвертый. – На самом деле он ищет не луну, а зачарованных фей. По ночам они облачаются в лунный свет, который собирают с поверхности воды.

Отец Нарцис и аббат хотели, чтобы разговор на этом закончился. Но, учитывая интерес, который, похоже, проявлял их почетный гость к этой теме, они не решились вмешаться.

– Уголин считает, что именно зачарованные феи похищают души детей для Ольхового короля, – добавил отец Мар-

тин. – Каждую ночь он спускается к умывальне в надежде, что однажды они заберут и его.

– Но зачем?

– Он хочет попасть в другой мир.

– Что за другой мир?

– Мы не знаем. Кажется, это мир его фантазий.

Заговорил еще один каноник:

– Его спутали пения Полуночных прачек⁸, которые заворачивают в свои простыни тех, кто скоро умрет. Именно из-за них люди запираются в своих домах. Чтобы не слышать их песен.

– Или их криков.

– И он не боится Суда Божьего? – спросила Брисеида.

– Нет, Уголин уже и так стал воплощением греха своей матери.

– Какого греха?

Каноник пожал плечами:

– Такого ребенка нельзя родить, не совершив серьезного греха. Возможно, вы уже поняли, но Уголин Попьян не такой, как все.

Кивком он указал на другой конец стола.

Дрожь пробежала по телу Брисеиды. Как она не заметила его раньше? Бледнолицый каноник, смотревший на нее в со-

⁸ Полуночные прачки – существа кельтской мифологии. По легенде, три старухи отправляются к кромке воды в полночь, чтобы постирать саваны для тех, кто вот-вот умрет.

боре, снова устался на нее так же бесстыдно, как и раньше, но, казалось, смотрел сквозь нее. Или он смотрел на рыцаря, побывавшего на краю света? Другие каноники не стеснялись говорить о рыцаре прямо в его присутствии.

– Что его мучает? – спросил Энндал, также испытывая дискомфорт.

– Вера в то, что он принадлежит к другому миру настолько, что уже не живет в этом, – вздохнул отец Нарцис.

– Вам следует задавать вопросы ему, мессир д’Имбер, – добавил отец Мартин. – Я уверен, что вы бы с ним поладили... если бы смогли вытянуть из него больше трех слов за один разговор.

– Вам должно быть стыдно за то, что вы развлекаетесь подобными историями, отец Мартин, – отругал его отец Нарцис.

– Прошу простить меня, отец.

Послышался слабый голос, заставивший собравшихся замолчать:

– Чтобы ясно видеть, лишите зачарованную ее лунного обличия.

Уголин Попьян почти не шевелил губами, и взгляд его оставался каким-то туманным. Но этих нескольких слов, произнесенных медленно, было достаточно, чтобы у всех каноников перехватило дыхание. Восемь слов подряд для Уголина Попьяна было неслыханным делом.

– Пришло время проводить вас обратно в богадельню,

мессир д'Имбер, – сказал аббат. – Нынче не стоит находиться поздно вечером на улицах. Отец Нарцис?

– То есть... – сказал последний, застигнутый врасплох. – Я думал, что рыцарь сможет сам найти дорогу...

– Ну что вы, отец, это было бы нарушением всех наших правил гостеприимства.

Отец Нарцис не осмелился возразить ему, но повернулся к отцу Мартину и невинно воскликнул:

– Отец Мартин! Вы были так разговорчивы с нашими гостями, поэтому, несомненно, будете рады их проводить. Не мешкайте, уже поздно.

– Когда я увидела дракона в Китае, то находилась в воде, ночью, стоя лицом к луне, – прошептала Брисеида на ухо Энндалу. – А в трактире прошлой ночью я снова была в воде. Не говоря уже о том, что в Цитадели именно в отражении фонтана я заметила первую иллюзию.

Энндал тоже думал об этом.

Брисеида сжала кулаки, вспомнив слова Уголина Попьяна. Молодой монах буквально соответствовал человеческому архетипу. Станный с детства, одержимый другим ми-

ром... Она еще не знала, что думать о его намерениях, но должна была отнестись к его словам так же серьезно, как и к словам Теобальда.

Отец Мартин шел впереди Лиз, беспокойно оглядываясь на каждом перекрестке. Город казался пустынным, только неприятные запахи витали в воздухе. Однако отец Мартин размахивал перед собой факелом, словно ожидал, что в любой момент появится чудовище. Энндал остановился, прислушался и осмотрел переулок, залитый лунным светом.

– Отец, – спросил он тихо, – не вода ли это из фонтана течет там?

Отец Мартин насторожился:

– Да, мессир.

– Я бы хотел подойти к нему, чтобы освежиться.

– Просто... Идти далеко, и был тяжелый день...

– Значит, идите спать. Не волнуйтесь, мы найдем дорогу.

Отец Мартин кивнул, быстро забыв о своем гостеприимстве. Он пожелал путникам спокойной ночи и направился один в сторону верхнего города, к богадельне. Но через несколько метров он остановился, привлеченный странным шумом, доносившимся с крыши.

– Думаю, будет лучше, если я останусь с вами, – сказал он, быстро обернувшись. – Отец Нарцис очень расстроится, если по моей вине вы заблудитесь... Вы уверены, что хотите пойти туда прямо сейчас? Если вам нужно просто подкрепиться, Хасин, молодой каноник, управляющий бога-

дельней, может принести ведро воды к вам в комнату... Эта умывальня очень красива, но днем она, конечно, интереснее.

– Умывальня? Сюда приходит Уголин Попьян?

– Сегодня вы его там не найдете, отец Нардис запретил ему выходить по ночам, пока... И потом, это не главная умывальня, просто водопой, фонтан, правда, ничего особенного... интересного. Вы слышали этот шум?

– Вы чего-то боитесь, отец Мартин? – спросил Менг.

Взгляд отца Мартина переходил с генерала на рыцаря. Казалось, присутствие желтокожего человека успокаивало его не больше, чем ночные звуки. В нескольких шагах от него раздавалась тихая музыка фонтана. Она поднималась из маленькой квадратной площадки, залитой прекрасным голубым светом. Оанко оглядел прилегающие улицы, чтобы убедиться, что они одни. Энндал подошел к прямоугольному бассейну, который поднимался до колен, рядом с каменным домиком, из которого вытекал поток воды. Он закатал рукава и побрызгал водой на лицо, чтобы выглядеть хорошо. Лиз пожирала его глазами. Она умирала от желания задать ему тысячу вопросов после всех его речей и не могла дождаться, когда отец Мартин оставит их наедине. Леонель сидел на краю умывальни, незаметно наблюдая за каждым движением каноника. Эней и Брисеида ходили вокруг, внимательные и молчаливые.

– Что вы об этом думаете? – спросил их Энндал вполголоса.

Брисеида с удовольствием достала бы свои песочные часы, возможно, и другие инструменты. Но они не могли пойти на такой риск при свидетелях. Она погрузила руки в воду. Должна ли она была войти в фонтан, чтобы попытаться заметить химеру? Нет, слишком нелепо, она не могла заставить себя сделать это в присутствии отца Мартина. Она присела, чтобы понаблюдать за водой. *Лишите зачарованную ее лунного обличия.* О чем говорил Уголин Попьян? Если они могли украсть платье феи, значит, они уже могли ее видеть, и в этом случае кража платья не представляла никакого интереса. На мгновение она позволила себе отвлечься на красоту отражения луны в фонтане. Это был долгий день, и ее глаза устали. Она потерла влажными пальцами веки, чтобы лучше различить отражение фахверковых домов, рябивших на гладкой поверхности воды. Но вместо того чтобы вновь обрести четкость, отражение стало еще более размытым, настолько, что в нем не было ничего, кроме меняющихся цветов. В отражении казалось, что на краю умывальни танцует прозрачная фигура. Движение прекратилось, и фигура наклонилась вперед, к поверхности воды, чтобы понаблюдать за Брисеидой. В воде фигура подняла голову, и Брисеида, не задумываясь, сделала то же самое. Прозрачная фигура, маленькая, как эльф, покрытая лунным светом, стояла перед ней на краю умывальни. Наклонившись вперед, она улыбалась ей.

– Брисеида, ты что-нибудь видишь? – спросил Энндал,

стоя справа от нее, видя, что она потеряла дар речи.

Она не успела ответить. Пронзительный крик пронесся по воздуху, заставив всех подпрыгнуть.

– Что это было? – резко спросил Менг, снимая с пояса длинный кинжал.

– Звук пришел оттуда! – воскликнул Оанко, указывая на крыши. Энндал уже достал свой меч.

– Брисеида? Что ты видишь?

– Я...

Теперь она не была в этом уверена. Фигура исчезла. И красота места, как ей показалось, тоже. Все, что осталось, – это маленькая мрачная умывальня посреди вонючего переулочка.

– Ревуны, – прохрипел отец Мартин тоненьким голоском. – Нельзя оставаться здесь, мессир д'Имбер, эти крики – предвестники гибели, что-то надвигается.

– Что именно?

– И сенешаль им разрешает так себя вести? – с содроганием спросила Лиз. – Так гнусно.

– Ревуны – это злые духи, – тихо объяснил Энндал, отслеживая любое движение. – Мы ничего не можем сделать, чтобы остановить их. Брисеида, расскажи нам, что ты видела.

– Я не... не уверена. Силуэт. Но все исчезло.

Силуэт феи казался теперь очень далеким. Она никогда не слышала столь ужасающего крика.

– Господь Всемогущий на небесах, защити нас от зла! – пробормотал отец Мартин, перекрестившись. – Защити нас,

Господи, с помощью блаженного Иоанна Крестителя...

По двору пронесся вой, от которого волосы встали дыбом. Эней опустил сумку на землю, чтобы лучше ухватить сачок для ловли бабочек. Оанко сделал то же самое. Священник вцепился в руку Эннала:

– Они идут! Пора уходить!

Черная фигура, казалось, молниеносно перемещалась по крышам. Оанко следил глазами за тенью, готовый бежать за ней, но Эннал остановил его:

– Оанко! Не сейчас! Пора уходить. Быстро!

– Почему ты меня остановил? Сейчас у нас хоть что-то было бы! – сказал Оанко, когда они оказались в безопасности в своей комнате в богадельне.

Брисеида никогда не видела, чтобы Оанко так сердился. Он был похож на охотника, который упустил свою добычу.

– Всеу свое время, Оанко, – сказал Эннал. – Химеры опасны, но духовенство может быть еще опаснее. Мы не связываемся с еретиками. Если мы хотим, чтобы они оставили нас в покое, придется играть по их правилам.

– Вы заметили, что в этой комнате две кровати, – сказал

Леонель, запрыгивая на одну из них. – Мы теперь на уровень выше.

Он никого не обманул своей напускной наглостью, его тоже потрясли крики.

– Какую игру ты ведешь, Энндал? – воскликнула Лиз. – Сначала ты смущаешься, когда лейтенант Эббар просит тебя рассказать ему о своей жизни, об охоте на Зверя Апокалипсиса, а потом ты рассказываешь духовенству все эти безумные истории о крае света? Ты позволяешь им видеть тебя спасителем Каркасона, обещаешь Кассандре, что отправишься на охоту на вуивра, а потом объясняешь монахам, что тебе плевать на вуивра и что тебя интересует лишь *Святой Грааль*? Ты хочешь, чтобы люди начали болтать? Чтобы они поняли, что ты несешь чушь? Я не говорю, что не стоит время от времени придумывать ложь, особенно в нашей ситуации, но она должна иметь смысл! А что не так с этими людьми? Они восхищаются твоими сражениями со злом, но если они поймают нас в погоне за демонами, то нам конец? Что все это значит? Чего они хотят, в конце концов?

– Как я уже сказал, все дело в том, как подойти к вопросу, – спокойно произнес Энндал, чтобы успокоить ее. – Все как в Поднебесной. Нужно лавировать, чтобы не нажать себе врагов. Кассандра это понимает, поэтому она попросила священника пригласить меня.

– Но ты, Энндал, что ты на самом деле думаешь обо всем этом? Тебе ведь необязательно играть с нами какую-то роль?

Ты можешь рассказать нам все как есть.

Энндал вздохнул, прислонился к решетке их крошечного окна и стал обдумывать, что сказать.

– Ни один рыцарь не считается настоящим без великого путешествия, а ни одно великое путешествие не может считаться настоящим без встречи с фантастическими существами. Вот как это работало в мое время. Я должен был рассказать историю о своей встрече с демонами ада, и я должен был быть осторожным, чтобы не возложить на Господа Всемогущего свои победы. Я знаю, что делаю, поверьте мне, я живу так уже долгое время.

– То есть несешь чушь? – спросил Леонель, раскинувшись на кровати. Энндал проигнорировал его.

– Мы, так сказать, устроили знакомство. Монахи могут быть обречены на безмолвную жизнь, но вы можете быть уверены, что к завтрашнему утру весь город будет знать о храбрых деяниях рыцаря д'Имбера. Мы поразим одних, которые не преминут нас поддержать, и дискредитируем себя в глазах других, которые не станут искать дальнейших объяснений нашему интересу к химерам.

– Но к чему эта история о Граале? – спросила Брисеида.

– Возможно, для некоторых из вас это станет неожиданностью, – ответил Энндал, взглянув на Лиз и Леонеля, – но я, например, не считаю, что солгал сегодня. Я просто делал то, чего от меня ожидали, я маскировал реальность под свое время. Однажды в пустыне ты сказала, Брисеида, что в биб-

блиотеке Цитадели есть все ответы, но что она отвечает на вопросы только при обращении к ней.

– Потому что тогда она узнает нас и сможет запустить свой защитный механизм, – продолжала Брисеида, удивленная тем, что Энндал вспомнил эту деталь.

Она упомянула об этом лишь однажды, на фоне множества другой информации, и задолго до того, как они поняли, где находятся на самом деле.

– Святой Грааль устроен аналогично. Он содержит Божественную милость, высшее знание, вечную жизнь. Но Персеваль, оказавшись перед ним, не додумался задать правильные вопросы. Таким образом, в знании ему было отказано навсегда.

– Персеваль – рыцарь Круглого стола? Он вымышленный персонаж, ты ведь знаешь это, Энндал?

– Его история могла быть преувеличена, как и моя. Но он действительно существовал. Однажды он побывал в Цитадели и не выдержал испытания Граалем. Однажды настает и наш черед, и, чтобы подготовиться к этой встрече, мы должны научиться чувствовать своего врага, узнавать его.

– И поэтому ты решил, что было бы неплохо кричать об этом во всеулышание?

– Среди рыцарей принято искать Грааль. Заявляя, что мы занимаемся его поиском, мы не привлекаем к себе внимания. Напротив, так мы оправдываем свои действия. И я не думаю, что вуивр является нашим приоритетом. Он лишь

приманка, чтобы помешать нам разобраться с реальной проблемой.

– Что? – воскликнула Лиз. – Но ты пообещал Кассандре, что сделаешь все, что в твоих силах!

– Именно. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы принести мир в Каркасон. Охота на вуивра означала бы поддержание легенды о нем, а нам это не нужно. Верно? Брисеида, расскажи нам, что именно ты видела возле умывальни? Химеру?

Брисеида пожала плечами, сомневаясь:

– Все было не так, как в лохани Менины. Видение было менее точным, менее физическим... Как будто это было лишь отражение существа. Но казалось, что оно и есть отражение. Мне показалось, что это была зачарованная фея. Но силуэт было настолько размыт, что я уже не уверена, что именно видела.

Энндал распознал признаки присутствия дьявола. У них было более чем достаточно дел в Каркасоне, и они не собирались на охоту на вуивра, как рыцарь де Курносак.

– Монахи и священники, похоже, не хотят, чтобы рыцари охотились за вуивром, – сказал Менг. – И я думаю, мы все сходимся во мнении, что они являются частью Элиты. Не кажется ли тебе, что это хорошая причина для того, чтобы отправиться на поиски?

– Некоторые из них, без сомнения, испорчены Цитаделью, но, вероятно, не все, их слишком много. Церковь сурова, но она служит Господу Всемогущему. Мы поступим неразумно,

если не воспользуемся его мудростью. А пока давайте помолимся, – сказал Энндал.

Он опустился на колени возле одной из кроватей, соединил руки и предложил им сделать то же самое. Пути Господни неисповедимы, но молитва была и всегда будет лучшим способом получить Божественное прощение.

Остановившись на мгновение, Менг закатал рукава и опустился на колени. Эней и Оанко последовали его примеру. Леонель повернулся к Брисеиде, закатил глаза и пробормотал:

– Не так-то просто было иметь дело с императором, но теперь перед нами сам Господь Всемогущий. Нам точно несдобровать.

7. Загадка

– Брисеида, Лиз, просыпайтесь!

Ее лодыжку энергично трясли через толстое шерстяное одеяло. Брисеида вздрогнула, не желая, чтобы ее сладкое путешествие на спине крылатого единорога, в милях над Каркасоном, угасло.

– Тебе *не нужно* молиться, – сказал единорог, поворачивая свою длинную шею, чтобы поговорить с ней. – До тех пор, пока тебя не волнует реальность...

– Брисеида!

Она вытянула руки, чтобы потянуться и заставить себя выскользнуть из сна. Ее кулак столкнулся с шершавой щекой. Энндал резко сел.

С соседней кровати до ее ушей донесся смех.

– Еще не проснулась, а уже смешит нас, – вздохнул полу-

сонный Леонель, не без труда кутаясь в простыни, только что оставленные Энеем.

Брисеида посмотрела на крошечное окошко, закрытое льняной простыней вместо стекла.

– Но ведь еще ночь?

– Сейчас рассвет, а лауды проходят на рассвете, – ответил Энндал, потирая щеку.

– Что такое лауда? – спросил Эней.

– Месса. Нам нужно очиститься, прежде чем продолжать исследования.

Брисеида неохотно поднялась с кровати. Накануне до самой ночи они несколько часов упражнялись в рисовании химер. Она не выспалась.

Брат Хасин сопровождал их в собор. Весна явно не спешила наступать. Прохладный ночной воздух проникал под их длинные плащи и кусал лица.

Погруженный в темноту собор производил еще большее впечатление, так как ночь лишь сохраняла грозное выражение горгулий, расположившихся на его пиках. В этот час не нужно было верить в существование химер, чтобы увидеть, как оживают статуи. Внутри мрачного нефа уже царила удивительная суматоха. Обруганные канониками бедняки собирали свои скудные пожитки, сворачивали слои плетеной соломы, которую они расстилали на полу на ночь, и шли на площадь.

Человек в накидке, с потускневшими волосами остано-

вился, увидев Энндала и его верный меч на поясе. Он протянул грязную, умоляющую руку к рыцарю:

– Пожалуйста, мой милый господин, сжальтесь над беднягой, который может не дожить до следующего восхода солнца.

– Солнце взойдет через несколько минут, – ответил каноник, – и ты все еще увидишь восход. Так что оставь рыцаря в покое.

– Пожалуйста, подайте милостыню, – стонал бродяга, схватив за запястье Энндала, который сделал шаг назад, почувствовав зловоние, исходившее от бедняги.

– Сейчас я ничего не могу сделать, но как только прибудет мой оруженосец с кошельком, тебе будет оказана помощь.

– Не обращайтесь на него внимания, мессир д’Имбер. Надеюсь, вы хорошо спали?

Энндал вяло кивнул, и Брисеида впервые осознала, что темные круги под глазами затуманили его обычно спокойный взгляд.

– Прошу прощения за беспорядок в соборе, – сказал каноник, – но в связи с собранием штатов все городские богадельни переполнены, и сенешаль не хотел оставлять этих бедняков спать на улице под взглядами архиепископа Тулузы и уполномоченных короля.

– Мы не можем жаловаться, ведь сами пользуемся вашей милостью.

– Я рад, что вчера вы благополучно добрались до бога-

дельни, не всем это удалось.

– О чем вы?

– Разве Хасин не сказал вам? Ночью погибли три человека. Точная причина смерти не установлена, но все три жертвы находились в районах, где были слышны ночные крики. Отец Мартин был прав, когда просил вас поторопиться.

– Да пребудет с нами Господь. Пожалуйста, поблагодарите его за мое спасение, отец.

– Возможно, вы могли бы предложить своим спутникам, чтобы они прошли отпущение грехов после лауды? Нужно вести себя осторожно, когда рядом рыщет дьявол.

Краем глаза каноник наблюдал за Оанко, который не переставал исследовать пальцами деревянные статуи вдоль нефы, несмотря на неоднократные предупреждения Лиз.

– Мы так и планировали, – смущенно ответил Энндал.

Отец Нарцис провел лауду. Он говорил с прихожанами, которых в этот ранний час было немного, так пылко, как будто собрался весь Каркасон. Он рассказал о трех мужчинах, умерших ночью, и, как и архиепископ накануне, использовал все свои ораторские таланты, чтобы убедить аудиторию

в необходимости всеобщего покаяния. Был ли он более одаренным, чем его наставник, или Брисеида стала более чувствительной к злым речам теперь, когда она пообщалась с демонами Каркасона? Когда она слушала его с тяжелым сердцем, стоя на коленях на необработанных досках, она чувствовала себя потрясенной убранством собора. Возможно, горгульи были только снаружи, но в каждом уголке здания произведения искусства напоминали ей о неизбежном падении грешников, о котором говорил каноник. Висящие на стенах картины, иллюстрирующие мучения в аду, а также застывшие в ужасе выражения монстров, выгравированные на темном дереве сидений... Ничто не оставалось без внимания. Куда бы она ни посмотрела, собор напоминал о дамкловом мече, занесенном над головами тех, кто осмелился пойти по неверному пути.

Наконец им разрешили встать. Брисеида поднялась, колени болели, ноги сводило судорогой, а по позвоночнику пробежал холодок. Солнце только пробивалось сквозь витражи, когда Энндал указал на исповедальню, установленную вдоль трансепта.

– Что мы должны им сказать? – ворчала Лиз. – Только правду и ничего, кроме правды? Песочники, Площадь Времени и все остальное?

– Довольствуйтесь тем, что вы освободитесь от своих грехов.

– Дамы, вперед, – сказал Леонель, услужливо отступая

в сторону, чтобы пропустить Брисеиду.

Она ответила на его улыбку вполне заслуженной гримасой.

Энндал открыл дверь исповедальни, и девушка оказалась заключенной в небольшой деревянный ящик. Створка перегородки открылась с резким лязгом.

В наступившей тишине Брисеида подумала, что от нее наверняка ожидают произнесения ритуальной формулы. Не в силах придумать подходящую фразу, она решила подождать. Наконец, до нее донесся слабый голос:

– Говорите, я слушаю вас.

– Отец, я согрешила, – сказала она в порыве воодушевления, которое, к сожалению, не продлилось долго.

Когда она шла к исповедальне, то пообещала себе, что постарается придумать, что сказать. Но у нее не получилось. Она не могла рассказать священнику, что списывала на контрольной по математике, ведь здесь женщины, конечно, не ходили в школу. Она также не могла рассказать, как брала у матери деньги на свою коллекцию открыток с приколами.

– Да?

Брисеида схватилась за края оконной рамы. Она только сейчас узнала Уголина Попьяна. Внезапно видение прошедшего дня вернулось к ней очень отчетливо.

– Отец... отец, вчера я видела на краю умывальни существо с носом, как у Пиноккио. Ну, то есть с очень длинным носом. И с очень маленькими круглыми глазами, и волоса-

ми, которые так легко парили в воздухе, что казалось, будто они движутся в воде... Вы видите зачарованных фей, отец?

Конечно, она тут же пожалела о своей неосторожности. Если Уголин не являлся частью Элиты, он обязательно передал бы ее слова другому канонику, который бы точно был связан с Элитой. Но она должна была знать.

Отец Попьян повернул голову, демонстрируя свое вытянутое белое лицо. Даже с расстояния менее метра, когда он смотрел в глаза Брисеиды, казалось, что он смотрит мимо нее, куда-то вдаль. Он робко улыбнулся:

– Во имя Отца и Сына и Святого Духа, я прощаю вас. Аминь.

– Ответственны ли они за смерть этих людей, отец?

С резким щелчком закрылся маленький деревянный заговор.

– Уже? – вполголоса сказал Энндал, увидев ее. – Видимо, тебе нечего было рассказывать.

– Там Уголин Попьян.

Менг решительно положил руку на плечо Энндала и поспешил в исповедальную: не волнуйтесь, он разберется. Энндал, кажется, сомневался в этом, но тут же он увидел, как Оанко уходит в сторону небольшой открытой часовни в задней части трансепта, исследуя каждое свое открытие кончиками пальцев. Он решил догнать его.

– Жрецы убьют тебя собственными руками, если ты прикоснешься к Плащанице, друг мой, – сказал он, уводя Оанко

в безопасное место.

Менг не стал рассказывать о своей беседе с отцом По-
пьяном. Наверное, все прошло не очень хорошо. Каноникам
удалось испытать нервы Брисеиды. Ей нужны были перерыв
и свежий воздух. На площади горгульи казались вышедшими
из Уст адовых, покрасневшими от яркого света восходящего
солнца. Прекрасно и ужасно одновременно. Пока Брисеида
ждала остальных, она решила пройтись в сторону верхней
городской стены. Вид на нижний город и заснеженные горы,
розовеющие в лучах восходящего солнца, был восхититель-
ным.

– Не очень разговорчивый этот Уголин, – заметил Лео-
нель, подходя к ней. – Но нас предупреждали. И его нельзя
винить: священник в исповедальне просто слушает. В чем
ты ему призналась? Что ты растяпа? О боже! Ты видела луг?
Энндал расстроится!

Он указал на большое пространство травы возле роши,
где они накануне проводили свои эксперименты. Увлечен-
ная пейзажем на горизонте, Брисеида не заметила, как нача-
ли возводить палатки и привозить бревна.

– Они готовят площадку для турниров, – сказал Энндал,
подойдя вместе с остальными через несколько минут. – Мы
не можем продолжать наши эксперименты там, нужно найти
другое место.

– Энндал, я тут подумала, – заговорила Лиз. – Ты прав, мы
не должны идти за вуивром. Химеры терроризируют город,

и Цитадель замаскировала свое вторжение, используя легенду об Ольховом короле, который управляет своими созданиями. В этой легенде описывается, как именно Цитадель отбирает своих студентов. Но в отличие от китайской легенды о ткачихе это гнусная история, конец которой может положить рубин вуивра. Лучшим способом избавиться от Ольхового короля и влияния Цитадели – пойти и получить этот камень... Если только легенда о рубине также не была возрождена Элитой. Если Цитадель будет сама контролировать сложившуюся ситуацию и ее решение, а мы окажемся втянутыми в ее игру, то она обманет нас, как в прошлый раз.

– Но почему священнослужители призывают нас не ехать на охоту? – спросил Леонель.

– Не все священнослужители входят в Элиту, – ответил Энндал. – Как и мастера фэн-шуй у Менга дома.

– Но те, кого мы подозреваем, в итоге оказываются частью Элиты, – ответил Леонель. – Как и мастера фэн-шуй у Менга дома.

– Есть те, кто не может удержаться, чтобы не прикоснуться к запретному плоду, – вмешалась Лиз. – Они отправятся на охоту именно потому, что духовенство запрещает ее. Элита будет ожидать такой реакции от потенциальных противников. Что касается остального... Цитадель хочет контролировать количество участников охоты. Именно это они делают сейчас, разрешая рыцарям передвигаться без сопровождения. Если кому-то удастся завладеть рубином и обнару-

жить, что он никак не влияет на присутствие химер в городе, то для этого смельчака все закончится плохо. Я сомневаюсь, что в самой Цитадели есть легенда, в которой говорится, как уничтожить поток химер. Мы не должны идти к озеру. Наша настоящая проблема сосредоточена в городе.

Менг задумчиво кивнул.

– Нужно осмотреть места, где погибли те мирные жители, – сказал он.

– Да, – признал Энндал. – Но я не могу рисковать и второй раз попасться на глаза с нашими приборами. Вам придется идти без меня.

– Ты когда-нибудь слышал о зачарованных феях? – спросила его Брисеида.

– Да.

– Кажется, я видела одну вчера вечером. Поговорив с Уголином, я поняла, что если будем рисовать китайских драконов, то далеко не продвинемся. Даже если энергия *ци* является общей для всех химер, каждая из них должна иметь свою собственную черту, характерную для ее культуры. Чтобы привлечь зачарованных, нам придется нарисовать именно их. Энндал, мы могли бы потренироваться, пока остальные будут исследовать город. А когда будем готовы, то покажем вам, как адаптировать ваши рисунки для этого времени, – сказала она, повернувшись к своим друзьям.

Поэтому Брисеида и Энндал остались в богадельне, а остальные спустились в нижний город, вооружившись

своими приборами для исследований. Брисеида устроилась у изножья одной из кроватей и достала чернила и кисти. Энндал прислонился к подоконнику, он возился с кулоном Кассандры.

– Что ты хочешь узнать?

Брисеида пожала плечами:

– Не знаю, расскажи мне все, что знаешь, а там посмотрим.

Энндал рассказал несколько историй, услышанных им в тавернах. Зачарованные появлялись ночью, возле помойных ям, в пещерах или кустах, окруженные ореолом света. Брисеида приступила к работе. Если ей было трудно нарисовать свирепость чудовищного дракона чернилами, то по сравнению с нежностью существ, одетых в лунный свет, драконы казались сущим пустяком. Она чувствовала себя так, словно ей пришлось начинать все сначала. Время от времени она поднимала голову, чтобы спросить мнение Энндала – есть ли у зачарованных оружие? А ноги? – но каждый раз рыцарь, казалось, все глубже погружался в свои мысли, его взгляд скользил по горизонту, кончиками пальцев он касался кожаного мешочка Кассандры. Вскоре у нее уже не было сил беспокоить его. Брисеида все равно не могла сосредоточиться. Слова каноника во время лауды и слова архиепископа накануне поглощали ее и мешали думать. Кроме того, она уже некоторое время ждала возможности поговорить с Бенджи. Ему, вероятно, было интересно, что она задумала.

– Не против, если я сделаю перерыв?

Энндал неопределенно махнул рукой. Брисеида положила блокнот на колени, достала перо, дрожа от волнения.

Бенджи?

Шею начало покалывать, зрение затуманилось, и она с облегчением скользнула в Цитадель.

Бенджи ждал, сложив руки на груди, уставившись на минавра, которого он теперь принял за визуальный ориентир. Брисеида уселась перед изображением химеры.

– В прошлый раз ты ушла слишком быстро.

– *Прости, мне пришлось. Я вернулась, как только смогла.*

– Я рад, что ты вернулась.

– *Итак, чтобы продолжить наш разговор и поскольку мы теперь доверяем друг другу... Не расскажешь мне, что теперь ты знаешь о химерах, когда вступил в третий месяц?*

– То, что я теперь знаю о Цитадели, важнее всего. Мир Снов, о котором говорил твой брат Нил Куба-младший, действительно существует: мы находимся в самом его центре. Поэтому времени здесь не существует. Оно не нужно в метафизическом мире. Хотя я еще не до конца разобрался. Я не совсем понимаю, где ты находишься.

Брисеида сделала вид, что не заметила удочку, которую он забросил. Бенджи наконец сказал:

– Я знаю, что химеры – это существа из этого мира, из Мира Снов, но иногда они проскальзывают в физический мир по желанию человека, который своим искусством создает для них мосты в физический мир. Я также знаю, что Цитадель не случайно разместила здесь все эти картины. Она научилась контролировать определенных химер и заставляет их переходить из одного мира в другой через этот проход, комнату, где я сейчас нахожусь, и через многие другие, спрятанные в закоулках крепости. И я понимаю, как Цитадель использует химер в своих интересах в физическом мире. Еще я знаю, что тип переходного отсека, в котором мы находимся, называется «Химера-Цитадель», этот термин используют проводники, которые также время от времени говорят о переходе «Элита-школа». Что заставляет меня предположить посредством логического вывода, что мы с тобой попали сюда не через тайные переходы, скрытые за картинами нашего временного пространства, а именно *через* картины... Довольно безумно, не находишь? Все равно что сказать, что наша сущность подобна сущности химер. Химеры – это идеи, а что такое разум, если не скопление идей? Это объясняет, почему проводники так стремятся к троплею.

Брисеида молчала. Она знала, что химера необходима для сопровождения души через картину, так как сама пережила подобное в Греции. Теория Бенджи не учитывала различные плоскости реальности. Но объясняла одержимость проводников троплею и была еще одним свидетельством незау-

рядного ума ее друга. Он был так близок к истине... Она не хотела рисковать, рассказывая ему о своей встрече с херувимом.

– *Это для начала, – осторожно сказала она, – но ты забываешь о том, что мы узнали из статуи Нила Кубы-младшего.*

– Девять дисков реальности твоего брата?

– *Да... Для того чтобы пройти сквозь полотно картины, нужно отрешиться от физического мира. Думаю, такое возможно на верхних этажах, доступных только химерам.*

– Да, наверное... Если только человек не спит.

Когда Брисеида попала в Цитадель, то была без сознания. Может он быть прав?

– *А что другие думают о твоей теории?*

– Уиллис и его команда? Они и так считают меня безумным, поэтому не вижу смысла рассказывать им.

Брисеида задумчиво молчала. Конечно, Уиллис не принял бы его слова всерьез. Хотя она знала, что только ее разум путешествует, она все еще не могла привыкнуть к этому.

– *Ты когда-нибудь слышал о падении как о высшей мере наказания, Бенджи? Там, где я нахожусь, это слово у всех на устах.*

– Полагаю, это наказание, предназначенное для химер. Те, которые не соблюдают договор с Цитаделью. Пока об этом ничего не известно, но я нашел много подобных кар-

тин. В частности, миф о падении сатаны.

– Ты думаешь, что сатана – химера?

– Сатана – создание человеческого разума, состоящее из тела человека и крыльев птицы. Разве не похоже на описание химеры?

– Но что, если дьявол действительно существует?

Бенджи пожал плечами:

– Каждый может называть его как угодно, придумывать для него разные происхождения, результат остается тем же. Ты так не думаешь?

– Я не знаю...

Она поняла, на что он намекает: если Сатана был выдуманной человека, то он оставался такой же химерой, как и все остальные, находясь под управлением Элиты. Поэтому им не стоило его бояться. Но Брисеида больше не была на стороне Цитадели. И представление дьявола как химеры не успокаивало ее, совсем наоборот... Она всегда представляла себе дьявола как фантазию из ушедшей эпохи, которая никогда не коснется ее. Но теперь она верила в химер, и если дьявол был таковым, то у него тоже существовало свое место в реальном мире. Страх, который она прочитала в глазах монахов, был оправдан. Брисеиде не очень понравилась эта идея. Можно ли представить себе более страшное существо, чем сам дьявол?

– Я также слышала, что Святой Грааль и библиотека – это одно и то же. В Святом Граале хранится высшее зна-

ние, которое Персеваль не сумел получить, потому что задавал неправильные вопросы, когда впервые нашел его.

Глаза Бенджи засияли.

– Я оказался умнее Персеваля. В его руках находилась тайна библиотеки, и он позволил ей ускользнуть. Я попросил у библиотеки песенную карту, чтобы вернуться в любое время, и получил ее.

Брисеиде захотелось рассмеяться. Бенджи считал себя конкурентом Персеваля и заявлял об этом со всей серьезностью. Он очень волновался, что его могут посчитать дураком.

– Если ты можешь так легко найти библиотеку, почему бы тебе не вернуться? Почему мы просто обыскиваем лабиринт Цитадели?

– Потому что библиотека – это сердце Цитадели. Все защитные механизмы, которые использует Цитадель, множатся на десять. Тогда мы ничего не получим. Слишком много информации ускользает.

– Мы ведь даже не пытались.

– Однажды я подслушал разговор между учениками восьмого и девятого месяцев. Они говорили о специальной двери, через которую можно войти в библиотеку. По их мнению, только войдя в эту дверь, можно избежать всех ловушек библиотеки и получить от нее то, что желаешь. Они называли ее дверью к истине.

– Твой знаменитый рубильник, – весело заметила Брисе-

ида.

Он улыбнулся ей:

– Я никогда не искал ничего другого... Знаешь что? Ты права. Мы должны хотя бы попытаться. Вот так, – сказал он, разворачивая зонтик с колокольчиком. – Мадам, ваша карета. В библиотеку!

Брисеида затаила дыхание, надеясь, что он забудет о своем недоверии и споет вслух песенную карту Цитадели. Но он только что-то невнятно пробормотал, как обычно.

– Нет смысла пытаться запомнить дорогу, – сказал он вдруг на перекрестке, угадав ее мысли, когда она на мгновение взяла в руки зонтик, чтобы лучше ориентироваться на местности. – Поверь мне, это невозможно. В противном случае Цитадель давно бы пала. Это ее лучшая защита.

Брисеида не обращала на него внимания, сбитая с толку множеством коридоров и лестниц, через которые они прошли.

Через двадцать минут Бенджи остановился.

– Вот оно, – прошептал он с легким волнением в голосе. – Когда я прикасаюсь к этой ручке, мне кажется, что я стою на пороге своего дома.

Брисеида сразу же узнала приоткрытую, разогревавшую любопытство дверь, которую она заметила в первый раз, когда Бенджи привел ее сюда. Девушка никогда не забудет этот момент. Прилив воодушевления, когда она толкнула дверь, мурашки по рукам, волнующее ощущение того, что она сто-

ит на пороге необыкновенного открытия... Затем дискомфорт в темноте, страх, когда она почувствовала шнур на своей щеке. Красота этого места, когда она потянула за шнур, активировав механизм, который открыл великолепные розовые окна, и бесконечную линию полок огромной библиотеки. Леденящий страх, когда она обнаружила книгу под названием «*Брисеида*», и рукописный текст внутри, соотносящийся с ее мыслями, описывающий каждый ее шаг... Потом был еще херувим, который вошел вместе с ней, скрытый под личиной ее отца... Воспоминания о погоне за крылатым существом, о нападении чучела крокодила, а затем обо всех химерах Цитадели, наступавших ей на пятки, – все это до сих пор вызывало тошноту.

Действительно ли она хотела снова войти в библиотеку?

– Помни, – сказал Бенджи, не давая ей взяться за дверную ручку. – Любой дискомфорт, страх, негативные эмоции, которые ты можешь испытывать внутри, исходят не от тебя. Это иллюзии, навязанные библиотекой. Это часть плана нападения. Не обращай на них никакого внимания. Сосредоточься на том, что мы здесь ищем: дверь к истине. Великую тайну.

Он надавил на дверь всем своим весом. Брисеида закрыла глаза и сосредоточилась на своем дыхании. Сильный порыв воздуха пронесся по ее лицу, прошелся по волосам. У нее не было причин бояться. Все происходящее – иллюзия.

Слабый свет пробился сквозь ее веки. Она сделала шаг

вперед и открыла глаза.

Ее сердце бешено забилося.

Большие шторы были раздвинуты, открывая величественные розовые окна, от которых в библиотеке исходило мягкое цветное сияние. Чучело крокодила, свисающее с потолка, смотрело на нее таким же стеклянным взглядом, как и в первый раз. Но под его белым брюхом больше не было бесконечных проходов. Только винтовые лестницы, проходящие через этажи, возвышались посреди гладкого деревянного пола светлого цвета, а в центре – огромная яйцеобразная шахта, соединяющая круглые помещения. Ни одной книги. Даже полка нет.

Бенджи нервно рассмеялся.

– Конечно. Мой самый большой страх, да и твой, наверное, тоже: ничего не найти. Ничего. Небытие.

– *Как думаешь, библиотеку перенесли в другое место?* – встревоженно спросила Брисеида.

– Нет, библиотека всегда останется библиотекой. Вот она, мы нашли ее. И вот что она сейчас нам предлагает.

Брисеида закатала рукава:

– *Мы просто должны что-то придумать. Давай вместе создадим идею. Я хотела бы получить некоторую информацию о Ниле Кубе-младшем. О Жюле. И о моем отце, конечно, тоже.*

– И о Великой тайне.

– *Не надо бросаться напролом. Ищем что-то другое, ме-*

нее очевидное.

– Я бы хотел узнать, почему проводники считают, что у них есть шанс спастись, рисуя троплей. Я хотел бы узнать, как работают переходные отсеки «Химера» и «Элита». Я хотел бы узнать подробности о работе Нила Кубы и Нила Кубы-младшего. Я хотел бы знать, где ты находишься в данный момент. Я бы хотел иметь возможность спокойно изучать вопросы, и чтобы Уиллис отстал от меня. Он следует за мной повсюду. Он становится все более и более настойчивым. Он не может поверить, что меня выбрали Альфой.

– Они выбрали тебя?

– Разве я не говорил тебе?

– Нет! – вскричала Брисеида, ее сердце забило в горле.

Сколько времени потребуется Бенджи, чтобы стать таким же авторитарным и отвратительным, как король Агис, таким же коварным и хитрым, как канцлер Ли?

– На данный момент я продолжаю посещать занятия третьего месяца, как обычно, вместе с остальными. Но на четвертом месяце меня будут учить как Альфу. Вот что по-настоящему круто.

– Но ты же не веришь программе Цитадели.

– Не тому, что предназначено для Беты, которая может только подчиняться приказам. Альфа – это нечто другое. Мне больше не придется писать что-либо на листке бумаги, исследовать пустые комнаты, гоняться за иллюзиями вместе с призраком, как предателю, обычному вору. Меня будут це-

нить за то, что я есть, я стану частью истинной Элиты, той, с которой считаются и которой ни в чем нельзя отказать, включая Великую тайну.

Брисеиде был нужен воздух. Пустота. Пустота в сердце Бенджи. Она угнетала ее. Она выхватила у него зонтик и направилась к выходу.

– Подожди! – крикнул Бенджи, преследуя ее по коридору. – Прости, я так не думаю. Я предупреждал тебя, библиотека сделает все, чтобы испортить нам жизнь.

– *Она залезла к тебе в голову и заставила тебя сказать то, что ты сейчас сказал?*

– Нет... Я не знаю, как она это делает, но она способна сбить нас с толку, это точно. Я очень рад, что ты здесь. Я был бы еще счастливее, если бы ты вернулась на оставшиеся месяцы.

– *Ты всегда говоришь то, что хочешь и когда хочешь. В этом вопросе Уиллис прав.*

– БЕНДЖИ!

Бенджи схватился за ручку зонтика и потянул его вместе с Брисеидой за массивный доспех в оконной нише. Через несколько секунд Уиллис появился в конце коридора, его кулаки были сжаты.

– БЕНДЖИ! – снова закричал он, – Я знаю, что ты недалеко! Думаешь, если тебя назначили Альфой, то можешь делать, что хочешь? Ты ошибаешься, мой друг! Мы все еще команда, и пока ты не вернешься на правильный путь, я буду

преследовать тебя!

Он на мгновение остановился, чтобы прислушаться. Парень замер на месте, а затем вышел в коридор, перпендикулярный тому, в котором прятались Брисеида и Бенджи.

– Кто-то может подумать, что я буду счастлив, если тебя выгонят навсегда. И тогда я бы мог стать Альфой. Но я не эгоистичный придурок! Я думаю о команде! И скоро мастера поймут, осознают свою ошибку и сделают меня Альфой вместо тебя! Ничего не решено до четвертого месяца! Покажись со своим дурацким зонтиком! Давай, покажи себя, если осмелишься!

– Сюда, – прошептал Бенджи, указывая на узкий проход за перекрестком, где несколько минут назад находился Уиллис.

Они неторопливо пошли в сторону прохода. Колокольчики на зонтике зазвенели, но Уиллис кричал слишком громко, чтобы их слышать.

– Я же говорил тебе, что он заноза в заднице, – сказал Бенджи.

– *Но почему? Чего он на самом деле хочет? Он же уже должен был понять, какой ты.*

– Но он еще не понял, что я не передум...

Брисеида схватила Бенджи за руку, чтобы заставить его повернуться. Уиллис стоял перед ними и выглядел разъяренным. Бенджи крепко схватился за ручку зонтика и бросился в противоположном направлении. Уиллис рванул вперед, едва не врезавшись в невидимое плечо Брисеиды. Бенджи

открыл дверь, а потом закрыл ее за ними и задвинул спасительный замок. Лихорадочно дергая за ручку, Уиллис колотил в дверь:

– Открой дверь, Бенджи! Открой дверь, или ты пожалеешь!

– *Где мы?* – прошептала Брисеида, как будто ее голос вдруг мог стать слышен всем в Цитадели.

Она чувствовала себя так, словно бросила вызов еще одному запрету. Она уже ощутила на себе неодобрительные взгляды целой армии стражников.

– Я не знаю... – пробормотал Бенджи, замороженный представшим перед ними зрелищем.

В комнате находились ультрасовременные аппараты, расставленные на больших мраморных столах с глянцевым покрытием и освещенные тусклыми лампами. Брисеида никогда не видела таких приборов в Цитадели, и, судя по выражению лица Бенджи, он тоже.

– Выглядит как новая, более усовершенствованная модель зала архивов! Понимаешь ли ты, что это значит? Новая возможность найти информацию обо всем и обо всех! Это помещение еще не знает нас, поэтому нет никакого сопротивления, и Цитадель не сможет отклонить нас от нашей цели, – добавил он, уже роясь в ящиках столов. – Скажи мне, что самое важное ты хотела бы узнать?

– *Все эти аппараты, все эти провода напоминают мне об экспериментах моего отца,* – заметила Брисеида, не по-

нимая, нравится ли ей эта мысль.

– Люсьена Ричетти или Нила Кубы?

– *Разве есть разница?*

– Точно, ты права.

В каждом ящике находились две или три черные картонные коробки, в которых плотными рядами лежали маленькие серые пластиковые диски. В порыве азарта Бенджи брал их горстями, возился с черным маркером, а затем бросал на пол.

– *На этих дисках могут храниться тысячи материалов,* – сказала Брисеида. – *И эта комната не такая уж большая. Почему ты думаешь, что сможешь найти что-то о моем отце?*

– В Цитадели ничего не происходит случайно. Ты заметишь, что мы говорили об Уиллисе в библиотеке, и как только мы вышли, то столкнулись с ним?

– *Он следил за нами с самого начала...*

– Ты упомянула своего отца, и вот мы здесь, в комнате, которая напоминает тебе о нем и которую я никогда не видел. И тем не менее дело не в том, что я мало ходил по коридорам!

– *Но я...*

– ЗДЕСЬ! Вот оно!

Он с гордостью протянул ей один из серых дисков. Брисеида разобрала мелкий шрифт: «Теория физического сновидения, автор Люсьен Ричетти».

– *Как ее прослушать?* – задыхаясь, спросила она, в животе у нее образовался комок. Бенджи уже был у аппаратов и беспорядочно нажимал на кнопки.

– *Ты знаешь, как ими пользоваться?*

– Выясним.

Снаружи Уиллис перестал колотить в дверь. Брисеида опустила на колени и погрузила руки в оголенные провода в овальном компьютере.

– *Там есть разъем подходящего размера,* – сказала она неуверенно.

В то же время Бенджи нажал последнюю кнопку. Заработал огромный вентилятор. Неоновый свет погас, и пятнадцать или около того фиолетовых лучей от небольших устройств, установленных по всей комнате, сошлись над одним из мраморных столов.

– Давай, вставляй диск, – судорожно произнес он.

Брисеида робко поднесла к разъему серый диск, и машина со скрипом втянула его внутрь.

– *Кажется, я все сломала,* – пробормотала она, беспокоясь, что не сможет вытащить диск.

Но тут же голос ее отца заполнил пространство:

– *Запись 21. Нет, 22. Объяснение процесса обнаружения и набросок следующих целей, которые должны быть достигнуты.*

Поэтому я... После фиксации активности моего мозга во время сна – не просто сна, а создания миров, определенной

географии, чтобы понять, смогу ли я найти параллель между воображаемыми географическими областями моего сна и постоянно меняющимися областями активности в моем спящем мозге, – после фиксации активности моего мозга я пришел к выводу, что в этом нет абсолютно никакого смысла. Я не нашел никакой корреляции. Кажется, это было в начале прошлого года.

Но, по мере того как я практиковал свое воображаемое путешествие, мне стал сниться один и тот же сон снова и снова: сначала я оказываюсь в безводной пустыне из желтого камня. Затем я подхожу к краю обрыва, с которого открывается вид на большой луг с высокой травой. Потом появляется он. Все четче и четче, все яснее и яснее. Что-то вроде бесконечного города, вытянутого к небу, но построенного в один блок, как... как... Цитадель...

Мне стала сниться только она, даже вне моих опытов. Я больше не мог от нее убежать. Каждую ночь она появлялась, все более внушительная, все более реальная...

И вот однажды, несколько месяцев спустя, я обнаружил аномалию в магнитных полях, изучаемых моим мозгом. В тот самый момент, когда я заснул, сканер зафиксировал источник магнитной активности ВНЕ моего мозга. Это кажется невозможным, и все же...

Испускаемые магнитные волны скрещивались, как круги на воде от двадцати камней, брошенных один за другим в озеро. Каждый камень, каждый магнитный источник на

первый взгляд казался не зависимым от других. Но когда я искусственно проследил порядок их появления, то понял, что они следуют по определенной траектории. Как будто один камешек бросили на поверхность воды, но он хаотично отрикошетил. Затем мне пришло в голову, что, возможно, существует только один источник магнетизма, который не подчиняется тем же законам времени, как наш физический мир...

Мой интерес к этой работе возрос в десять раз. Я перестал спать дома, а некоторое время назад начал пить, чтобы поиграть с состояниями сознания. Я хотел замедлить роковой момент засыпания, чтобы лучше изучить это явление. И у меня получилось.

Теперь я точно знаю: когда я засыпаю, открывается дверь. На мгновение сквозняк проникает через эту дверь и дает мне возможность заглянуть на другую сторону, в Мир Снов. Нефизический мир, где время не подчиняется единым правилам. Если бы только я мог найти способ держать эту дверь открытой... Если бы мой бодрствующий разум мог найти путь к Цитадели, тогда я смог бы, наконец, понять, что она собой представляет и почему она так меня завораживает. Я знаю, что истина находится за этой дверью.

Я собираюсь провести перенастройку магнитоэнцефалограммы. Все дело в терпении. Я доберусь туда. Я должен сделать все правильно.

Аппарат выплюнул диск, как кусочек жевательной резинки.

– *Есть ли другие?* – сразу же спросила Брисеида.

– Возможно, мы поищем. Но не сейчас.

– *Почему?*

Ответ пришел с другой стороны двери.

– Здесь? – спросил низкий голос.

– Да, он забежал внутрь и заперся. У вас есть ключи?

– Минутку...

– Иногда я хочу задушить его своими собственными руками, – прорычал Бенджи. – Хорошо, что он помог нам обнаружить это место, иначе, думаю, я задушил бы его прямо сейчас! Иди, мне лучше убрать зонтик, пока они не вошли...

Брисеида неохотно опустила перо.

Силуэты растаяли в туманной массе, а затем вернулись в очертания их комнаты в богадельне Каркасона. Почему время, проведенное с Бенджи, всегда должно быть ограничено? Ни одни часы не могли определить, сколько времени прошло с тех пор, как она ушла к нему, но блокнот здорово

пополнился, а запястье болело. Однако Энндал не двинулся с места. Он все еще сидел на подоконнике, рассеянно теребя кулон Кассандры.

– Ты в порядке? – сказала она, убирая перо и блокнот в сумку.

– Хм? Ах, да, да... Теперь я лучше понимаю поведение Менга в Китае. Очень странно возвращаться домой. Все кажется таким реальным, и все же вы все еще здесь. Два мира сливаются воедино. Это как новое измерение, которое трудно постичь...

Его взгляд снова устремился в темноту. Голос Энндала был глухим. Брисеида никогда не видела его таким хмурым. Она прочистила горло:

– Ты не голоден?

– Нет.

– Я могу принести нам что-нибудь выпить, если хочешь.

– Хорошо, как хочешь.

Брисеида схватила свою сумку и спустилась вниз, в главный зал богадельни. Когда она оказалась на первом этаже, чувство вины заставило ее пожалеть о своем побеге. Она долго не пыталась нарисовать зачарованных. Что она скажет остальным, когда они вернутся после поисков в нижнем городе? Но ей нужно было успокоиться после того, как она услышала запись отца. В большом зале никого не было и на кухне тоже. Она решила поискать брата Хасина возле собора. Если повезет, появится возможность снова встретиться

с Уголином Попьяном и задать ему несколько вопросов.

Собор также казался пустым. Брисеида шла вдоль нефа в тени прохода к южному трансепту. Отца Попьяна не было видно. Она уже собиралась повернуть назад, когда увидела отца Нарциса. Он шел со свечой в руке. Брисеида была не в настроении читать проповедь. Она спряталась за массивным деревянным столом по другую сторону исповедальни, чтобы подождать, пока он пройдет.

На столе лежало множество предметов. Брисеида занялась их изучением, поскольку отец Нарцис не торопился. Кусок красного воска, чаша с чернилами, страница из дубленой кожи, сложенная вчетверо. Она развернула бумагу и обнаружила, что та пуста. Расправляя страницу, она чуть не уронила маленький кусочек позолоченного дерева. Повертев его между пальцами, она увидела, что на одной стороне выгравированы четыре переплетенные струны. Ей показалось, что она уже видела этот рисунок раньше. Но где?

Ответ внезапно пришел к ней, и по коже побежали мурашки: на сургучной печати, которой было запечатано письмо ее отца и которую она сломала на Площади Времени во время первой встречи с письмоноском, незадолго до их путешествия в Китай. Она достала письмо из своего платья, чтобы подтвердить свои догадки. Идея казалась такой абсурдной...

Конечно же, письмо, которое она сейчас держала в руках, было вторым приношением письмоносца. Оно было не запечатано, а просто сложено, и на белой бумаге не было следов

воска.

Брисеида поднесла красную восковую палочку к свече, чтобы растопить ее, свернула письмо, аккуратно нанесла воск и вдавила в него печать.

Результат не оставил сомнений. Это была та самая печать. Она смотрела, как воск застывает, когда кто-то схватил ее за руку:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.